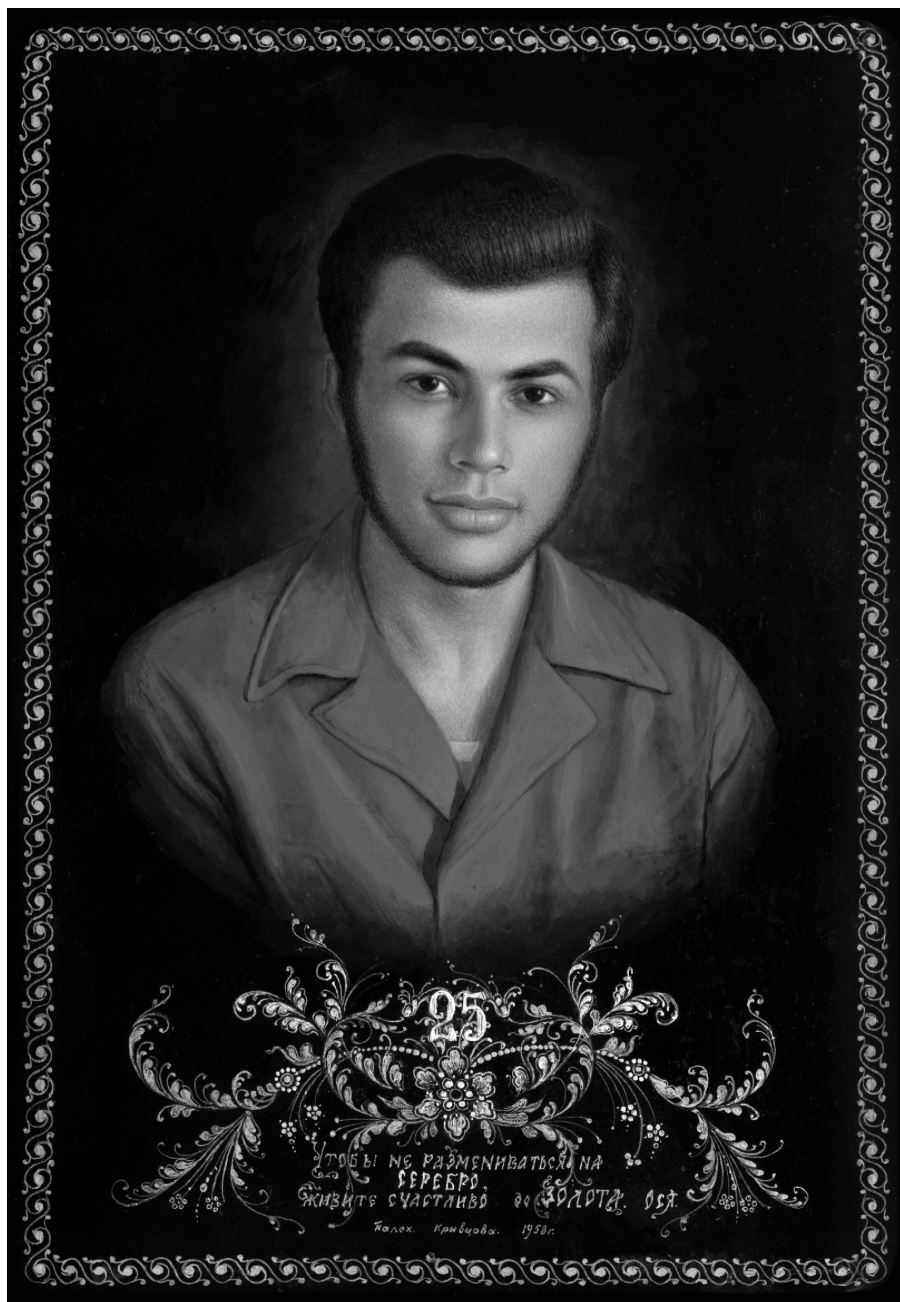

ЮНОСТЬ БОРОДАТАЯ МОЯ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Я родился в год начала второй мировой войны, родился в год Кота-Зайца, как и мой, не к ночи будь, помянут, тезка Иосиф Виссарионович, но в отличие от него не помесь Стрельца с Козерогом, а Лев. В школу пошел сразу же после войны, учебу в институте совместил с хрущевской оттепелью. Принадлежу к известной долгопрудненской организованной научно-технической группировке – окончил Физтех. Занимался многим: наукой, журналистикой, подводной охотой и даже играл в ранний КВН. Стихи начал писать в нежном детстве, где-то в период Сталинградской битвы, естественно про наши танки и ястребки. Впервые опубликовал поэму (конечно, о борьбе за мир) «Письмо американскому студенту» в районной газете г. Задонска (Липецкой области) «Знамя коммунизма» в 1957 году. На полученный гонорар удрал от родителей в Москву на Всемирный фестиваль молодежи и студентов, дабы пообщаться с этими студентами и особенно студентками лично. После чего писать почти перестал, разве что с утилитарными целями (юбилеи друзей, подруг и сослуживцев) и занимался всем вышеупомянутым. С наступлением перестройки и в связи с собственным полувекowym юбилеем неожиданно встал на туристическую тропу, и это вызвало рецидив детской поэтической болезни. К тому, что из этого вышло, отношусь серьезно, но спокойно. Для сохранения душевного и прочего равновесия. Беспартийный (вообще и всегда), неверующий (не путать с атеистом). Есть внуки, и как причина этого – жена и двое детей. Ем, пью и курю все.

*Аннушке Семеновне, написавшей мой портрет
в Палехе сорок лет тому назад*

*Палех, пятьдесят восьмой, Кривцова...
Сорок зим промчалось, сорок лет:
В облике библейского святого
Мальчика нахального портрет!*

*Жил легко, бездумно и беспечно,
И понять ли в девятнадцать лет,
Что одно искусство в мире вечно,
Остальное – суета сует!*

*Нынче мать с отцом в дороге дальней,
Да и мне на пенсию пора,
В школу ходит внук, и все хрустальной,
Все осенней наши вечера,*

*Но глядит глазами изумленными
На простую радость бытия
Сказочною кистью сохраненная
Юность бородастая моя!*

1998 г.

НОВОГОДНИЕ ПЕСНИ

ПЕСНЯ ПРО КРАСНОГО БЫЧКА (1997)

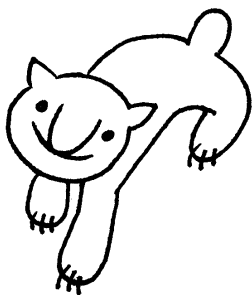
Мне на той неделе сон приснился новый,
Я такого, право, не видал давно:
По полю гуляет красная корова,
А в разбухшем вымени – красное вино!

Что с моею «крышей» – никому не ясно,
Но вчера всю ночь мне снилось до утра:
По реке гуляет стайей рыба красная,
А в раздутом брюхе – красная икра!

Выпьешь и закусишь – сразу все изменится,
И мечтой нахальной унесешься в даль:
На крыльцо на красное выйдет красна девица,
Алыми губами утолит печаль!

Говорят, сбываются сновиденья вещице –
Об одном молю я, Господи спаси,
Были бы закуска, да вино, да женщины –
И не надо красного больше на Руси!

ТИГРОВОЕ (1998)

Терпко пахнувший мазью тигровой,
Не успевши нагадить в компот,
Наступает таинственно новый
И еще неизведанный год!

Не прошу я счастья охапками –
Хорошо б не убили в толпе,
Глянь, тигренок мягкими лапками
По январской ступает тропе.

Никого еще не изувечивший,
А когтищи, гляди – о-го-го!
И тяжелый дух человечины
Аппетит будоражит его!

Он растет, свою силу пробуя,
Сея ужас и липкий страх,
И вскипает черная злоба
В золотистых его глазах.

Нет, чужого я счастья не хапаю –
Хорошо, есть кров и еда,
Но хрустят под тяжелой лапою
Наступающие года!

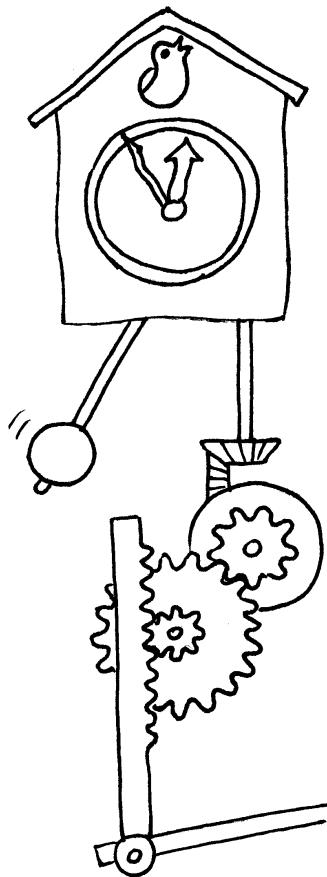
ПОБЕРЕГИТЕ ЗАЙЦА (1999)

Удар часов – удар судьбы по яйцам,
И снова Дед Мороз под елкой врет...
Но, если честно, то, как триппер зайцу,
Нам нужен заяц в этот Новый год!

Весь год судьба нас била, и не мало –
И кулаком, и пулей, и рублем,
Но если тигра нас не зажевала,
То зайца мы со шкуркою сожрем.

И Новый год отпразднуем на славу,
На тыщи ёлок сократив тайгу,
Со «Смаком» Макаревич кучерявый
Из зайца забабахает рагу.

Все жаждут счастья: русские, китайцы,
Евреи, негры и любой народ,
И мой совет: «Поберегите яйца,
У елки сидя в ночь под Новый год!»

ПЕСНЯ ЧЕРНОГО КОТА (1999)

Утверждают Будда и Рама:
Встал на нужное место Марс –
Завершается тигродрама,
Начинается котофарс.

Стал с годами мудрее и злее,
Опостылела суета,
Как поминки – те юбилеи
Мне, особенно в год Кота.

К черту кроликов вислоухих –
Это мой, а не заячий год,
Никогда не ползал на брюхе
И не кланялся черный кот!

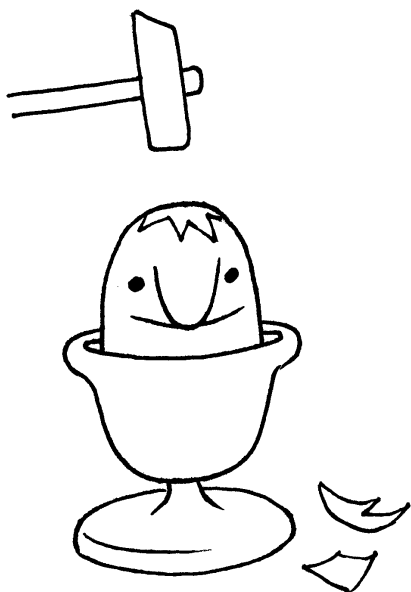
Я теперь побелел немножко,
За моею усталой спиной
Изумрудноглазые кошки,
За трубой совращенные мной,

Километры крыш, килограммы
Честно выловленных мышей,
Да к ненастью болящие шрамы
И на шкуре и на душе.

Эти шрамы – вехи карьеры,
Они шкуры дороже вдвойне:
Зубы сучьих сынов – бультерьеров
Не по книгам знакомы мне.

Опыт есть – не обманут котлетой
И халявой не соблазнят,
Начеку я, и хвост – пистолетом,
И всего-то мне шестьдесят.

Только небо и звезды выше,
И за то благодарный судьбе,
По широким московским крышам
Я гуляю сам по себе!

МИЛЛЕНИУМ НЕ ЭЛЕНИУМ (2000)

*Горе! малый я не сильный;
Съест упырь меня совсем,
Если сам земли могильной
Я с молитвою не съем.*

*Что же? вместо вурдалака –
(Вы представьте Вани злость!)
В темноте сидит собака
На могиле гложет кость.*

«Вурдалак» А. Пушкин

Век, что нам так близко знаком,
Если верить китайским канонам,
Зачат был обычным быком,
А заканчивается драконом.

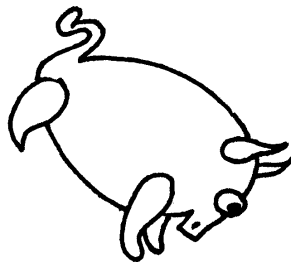
Ведь о трех головах злодей –
Но, увы, ни одной идейки:
Там зубов на мильён рублей,
А мозгов-то – на полкопейки.

Как же быть? Напрягаю башку,
Но ответ отыскать – едва ли:
В ноги падать любому божку,
Почитай, нас век приучали.

А ведь тут такая напасть!
Эка нечисть на нас напала,
И добро бы одна бы пасть –
Целых три, не покажется мало!

Что ж осталось нам, дуракам,
Перед этой бедой вселенской –
Разбежаться по уголкам
Да за юбкой прятаться женской?

Или сесть в лесу у костра,
Чай глотать и петь по привычке,
И потом, как придет пора,
С липким страхом ползти к электричке?

Но и женщины нас не поймут,
И костер не спасет, однако...
Это ж будет полный капут,
Если грянет в России драка!

Нет, ребята, кричу вопреки
Всяким там китайским канонам:
Это мы – дракон, мужики,
Нет без нас никакого дракона!

Посмотрите, с каким задором
И с какою пеной у рта
Вор вора обзывает вором,
Ну, а мы? Простота не свята,

Воровства она хуже бесспорно,
Мы ж ворюгам «Ура!» кричим,
Неужели нам не позорно
Ощущать себя стадом таким?

Нас – мильёны, мы служим зубами,
А вокруг нас лежит, бедна,
Полкопеечными мозгами
Управляемая страна!

Так докажем, что мы не босота,
Что нельзя нагнуть нашу статью,
Что умеем ещё работать
И неплохо удар держать!

Мы без них обойдемся с вами,
На простой надеясь закон:
Если мы упрёмся быками,
Никакой не страшен дракон!

ТРИ НУЛЯ (2000)

Киру Валентиновичу

Лихо чешет вокруг солнышка земля,
У дракона три главы, как три нуля –
Если светят на спидометре нули,
Новый век маячит в сумрачной дали.

Эти глупые и круглые нули
До маэрзма всю планету довели:
Очень хочется всё заново начать,
Но на мне-то века старого печать.

И куда девать мне старые стихи?
На кого списать мне прежние грехи?
Как забыть мне свою первую любовь?
Кто вернет врагами выпитую кровь?

Как остаться мне без преданных друзей,
Что так много в жизни значили моей?
Ведь любовь, вражда и дружба, черт возьми,
Это все, что и бывает меж людьми.

Это было у меня и это есть:
Дружба, страсть и верный компас – моя честь!
Я весь век богатство это добывал,
Курс держа через любой девятый вал.

Цифры щёлкают, ведут учёт годам,
То, что было, никогда я не отдам,
Пусть мерцают на спидометре нули –
Не хвали прошедший век и не хули!

Лихо чешет вокруг солнышка земля...
Кто сказал, что нам осталось три нуля?
Мы, от старого протягивая нить,
В новом веке постараемся пожить!

С НОВЫМ ГАДОМ! (2001)

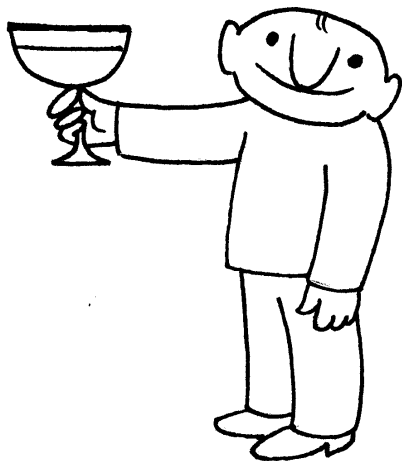
*«...И жало мудрыя змеи
В уста разверстыя мои
Вложил десницею кровавой».*

Пока гадают люди наивно и беспечно,
О том, что принесёт им новый год,
Змея-алкоголичка на вывеске аптечной
Лакает валерьянку, как загулявший кот.

Праматерь нашу Еву с запретнейшего древа
Откушать соблазнил коварный змей,
Когда б не он, то Ева навек осталась девой
И в мире вовсе б не было людей.

Вот князь Олег, он, если поглубже разобраться,
Был лучшим другом для своих коней,
А чем он кончил – ясно. Не торопитесь, братцы,
Ходить по черепам своих друзей!

Пока мы жарко спорим о мудром и о вечном,
Пока коптим угрюмый небосвод,
Философ подколодный на вывеске аптечной
Опорожняет чашу за свой змеиный год.

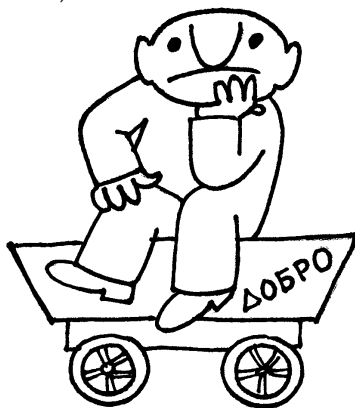
БАЛЛАДА О СИВОЙ КОБЫЛЕ И СЧАСТЬЕ (2002 г.)

Сколько того счастья будет мне отмеряно?
Задавал я Богу и себе вопрос –
Тут кобылка сивая вкупе с сивым мерином
Привезла к воротам счастья целый воз.

Экая махина! Это ж пруха та ещё,
Одному куда уж – лучше на распыл:
Для семьи полсчастья, по ломтю товарищам,
И любимых женщин, ясно, не забыл.

А в воротах мнётся целая орава:
Сослуживцы, сватьи и сосед крутой –
Каждому охота счастья на халяву...
Я делюсь, но вижу: воз уже пустой!

По сусекам крошки собирал ладонью,
Под стакан хороший опрокинул в рот,
Тут исчезли люди и пропали кони,
И стою бараном около ворот...

РИМЭЙКИ

БРИГАНТИНА

(реквием по романтике)

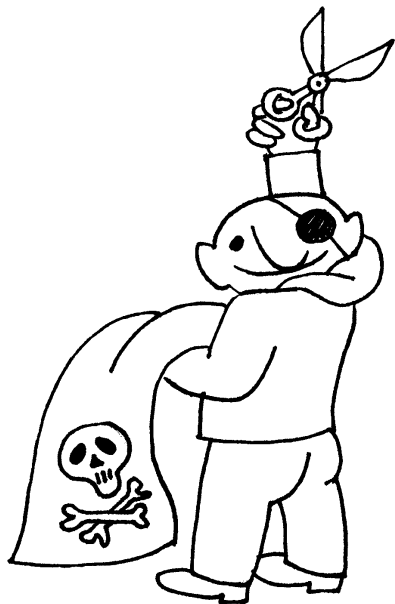
Захотелось говорить и спорить,
Ни к чему усталые глаза:
Никогда в курортном теплом море
Бригантина не поднимет паруса!

Капитан, изысканнее гранда,
Сдал корабль под модный магазин,
И теперь есть деньги у команды
На гашиш, на девок и на джин.

Пьем за ревностных и за проворных,
Оценивших дорогой уют,
Что на палубе «Веселый Роджер»
По кускам на метры продают!

Распрощались с детством серебристым,
Со своей наивной мечтой
Дистрибьюторы и финансисты –
Братья по крови холодной и пустой,

Нет у них ни горести, ни боли
И не жмурь насмешливо глаза,
Потому как, вставши на приколе,
Бригантина распродала паруса!

НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ РОМАНС

Четыре сезона гуляет столица,
У нас в Долгопрудной лишь грязь да бардак...
Расставьте бокалы, профессор Голицын,
Доцент Оболенский, разлейте коньяк!

А вы, ассистент, не тянитесь к посуде,
Не то вас студенты поднимут на смех,
Сейчас вам хреново, но хуже не будет –
Ведь вы же ученый и тоже физтех!

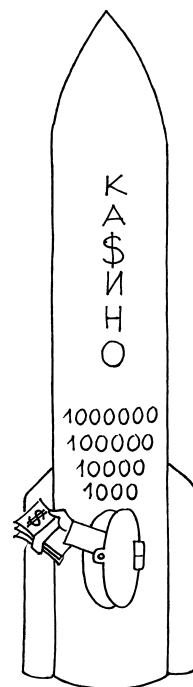
Сданы институты под самые крыши,
И залил Тверскую неоновый свет,
А в комнатах наших сидят нувориши,
И нашу науку ведут в кабинет.

И что-то неладное в ЦУПе творится:
Корабль марсианский пропал, как стрела...
А как вы мечтали, профессор Голицын,
Что эта железка поправит дела!

Простись с институтом,
как с собственным домом,
Пинком нас проводит отчизна – страна,
Профессор Голицын у аэродрома
Застыл неподвижен и бел как стена.

Снуют над Гудзоном веселые лица,
Далеко осталась родная земля...
Не падайте духом, профессор Голицын,
Доцент Оболенский, начните с нуля!

Теперь без науки гуляет столица,
Гуляет со вкусом и в брызги, и в дым,
Уехал в Монтану профессор Голицын,
Доцент с ассистентом уехали с ним!

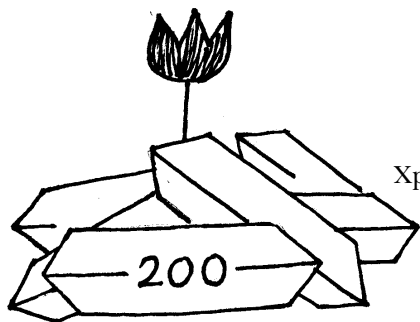

ВНУТРЕННЯЯ ПЕСНЯ

Поет военная труба,
Теперь извольте проявить свое геройство,
Такая выпала судьба –
Стоит на летном поле внутреннее войско.
Солдаты трезвы и грубы
И командиры далеко еще не пьяны,
А где-то делают гробы,
И греют двигатели черные тюльпаны!

Сидеть придется до утра –
Давай, раздавим пузырья под разговоры,
Из града славного Петра
Куда спешите, лейтенанты и майоры?
В края обвалов и жары,
Под мат начальства и гранаты моджахедов,
Как постоялые дворы,
Остались в прошлом и надежды и победы!

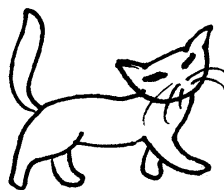
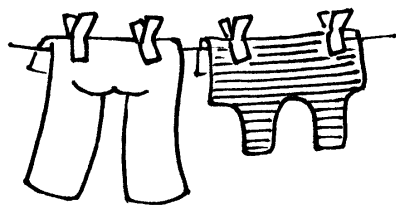
Кто сыновей российских шлет
Играть с абреком по ущельям в кошки-мышки?
С трибуны брешет идиот,
Но кровью платят за брехню его... мальчишки.
Они по своему храбры,
Но далеко им до того, кем были деды...
Как постоялые дворы,
Остались в прошлом и надежды и победы!

Но вот сигнал, и в путь пора –
Дорожка взлетная в рассветной позолоте,
Летят на Грозный мусора,
Храпят, как лошади, «Ильюшины» на взлете.
И все забыто до поры:
Подружки школьные и мамины обеды,
И ленинградские дворы,
Что в сорок первом не отдали наши деды!

У офицеров хмурый вид,
Им предстоят еще минуты роковые,
Под брюхом лайнера лежит,
Сомкнувши веки, зачумленная Россия.
Долины грязны и мокры,
В горах не видно ни огня, ни человека,
А постоялые дворы
Остались где-то посреди другого века!

Какая гнусная судьба,
Когда смешались вместе подлость и геройство,
Поет военная труба –
Штурмует Грозный наше внутреннее войско.
Железо встало на дыбы,
И все от крови человеческой словно пьяны,
Но уже сделаны гробы,
И в небо взмыть готовы черные тюльпаны!

ВРЕМЕНА ГОДА

ВЕСНА

Пришел марток – надевай трое порток!
(народная мудрость)

Целый день месили
Глину наши ноги –
Развезло в России
Все пути-дороги,

Залит двор колхозный
Грязью и навозом,
Дышит март гриппозный
Авитаминозом!

А Россия лежит
В мокрых складках дорог,
Надевает мужик
Сразу трое порток.

Серый снег пропитан
Талою водою,
Вербa пухнет силой
Свежей, молодой,

Щепит дед Гераська
К самовару чурку,
Кот соседский Васька
Трахнул нашу Мурку...

А Россия лежит
Вся в морщинах дорог,
И пущает мужик
В Ваську грязный сапог.

Скоро рожь посеет
Наш колхоз «Победа»,
И сожгли до нитки
Федьку-миroeда.

Федька энтот фермер,
Враг неугомонный,
Он не подчинился
Власти самогонной...

А Россия лежит
В паутине дорог,
Знает каждый мужик
Свой шесток, как сверчок.

Хорошо весною
В маслену неделю,
Труд? Само собою –
С первого апреля

Мы идем деревней
Легкою походкой –
Ведь в сельпо намердн
Завозили водку!

А Россия лежит
В черных шрамах дорог,
Как пропитый мужик
До порток и сапог!

СНЕЖНАЯ ПЫЛЬ

Завалило снежной пылью
Ошалевшую столицу,
И циклон с антициклоном
Пляшут белую кадрили,
И ложится на ресницы,
И проулками кружится
Острой крошкой алмазной
Эта призрачная пыль.

Скоро март зиме закроет
Пожелтевшую страницу,
И взамен алмазной сказки
Будет слякотная быль,
Но уже вернулись птицы,
А душа тоской томится:
Неужели всё, что было
Только призрачная пыль?

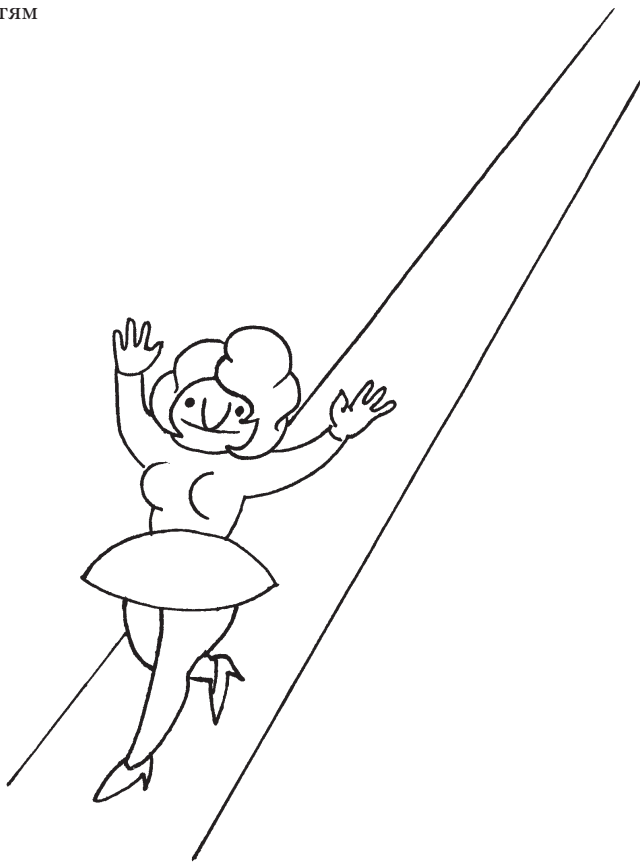
Над уснувшей летней степью
Светят белые зарницы,
И, как волосы любимой,
Под луной блестит ковыль,
И гляжу я с умилением
На пушистые ресницы,
То ли впрямь они пушисты,
То ли это просто пыль.

После августа – сентябрь
С журавлиной вереницей
Принесёт старушка осень,
Опираясь на костыль,
И блестят алмазом капли
На опущенных ресницах,
Может это и не слёзы –
Только водяная пыль.

И опять зима седая
К нам в окошко постучится
И циклон с антициклоном
Спляшут белую кадрили,
Вновь ложится на ресницы,
И проулками кружится
Острой крошкой алмазной
Эта призрачная пыль.

Года словно не бывало,
Ну, зачем, скажи на милость,
Я в затылок строю рифмы,
Подбирая нужный стиль?
Может, всё начать сначала,
Может, всё-то мне приснилось,
Как в сочельник снится детям
Эта призрачная пыль.

ВЫ Ж МЕНЯ ЛЮБИЛИ, ДЕВОЧКИ МОИ

ПЕСНЯ СТАРОГО МАРТОВСКОГО КОТА НА КОНЕЧНОЙ ОСТАНОВКЕ.

(посвящается всем королевам московского Бродвея пятидесятых)

Затянуло льдинками
Мартовские лужицы,
Старая пластиночка
Как планета кружится,
И вот-вот дочухает
С песнями и танцами
Чатанужский фирменный
До конечной станции.
Как блещут сосульки,
Как стучат сердца –
Расписать бы пульку
Надо до конца!

По уши увязнувший
В суеты житейские
Вспоминаю часто вас,
Девочки бродвейские,
Ваши ножки, попочки,
Ваши туфли-лодочки,
Ваши обалденные
Стильные походочки,
Как блещут сосульки,
Как журчат ручьи –
Вы ж теперь бабульки,
Девочки мои!

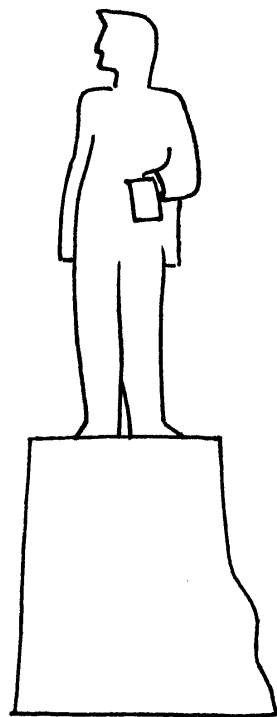
Галочки-Наталочки,
Любочки-голубочки
Раздарили внученькам
Свои мини-юбочки,
Ниночки-картиночки,
Светочки-конфеточки
Носите старушечьи
Теплые бареточки...
Как блещут сосульки,
Как журчат ручьи –
Мерзните, бабульки,
Девочки мои?

Отгуляли девочки,
Откипели страстию,
Вечером по ящику
Смотрите «Династию»,
Башли пенсионные
Тощие считаете,
И дешевым кофеем
Душу утешаете...
Но блестят сосульки,
Но журчат ручьи –
Выше нос, бабульки,
Девочки мои !

И торгует «Кэмелом»
Люська Барышовская
На углу заплеванном
Возле Маяковского,
А в глазах некрашенных –
Старая история,
Как дымил Люсенька
«Кэмелом» в «Астории»!
С Маяка до Плешки
Шла о ней молва:
Эта Люська-Кэмел –
Клевая чува!

Ну, а мне пригрезилось
В памяти слабеющей:
Мы хилием с Люською
По Бродвею те еще,
И «Савой» на Жданова,
Люстрами сияющий,
И Козел, на саксе
«Чучу» нам лабающий...
Что же вы забыли,
Как журчат ручьи?
Вы ж меня любили,
Девочки мои!

А пластинка старая
Скоро остановится,
Только и осталось, что
К выходу готовиться.
Новенькие девочки
Шлёпают по лужицам,
Сидиромы с клипами,
Как планеты кружатся...
Но блестят сосульки,
И стучат сердца:
Мы распишем пульку
Эту до конца!

МАДАМ

(очень жестокий романс)

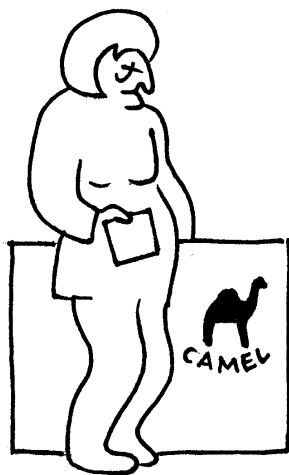
Я даю вам, мадам, ваш единственный шанс,
 Это вам посвящаю свой замученный стих,
 Я сыграю, мадам, вам жестокий романс
 На растрепанных струнах, на нервах своих.

Ваша юность, мадам, не подвластна годам,
 Ну, а мне-то судьба забелила виски,
 И бреду я вослед вашим легким ногам
 И зубами скриплю от любви и тоски.

Ваша верность, мадам, как фальшивый алмаз,
 Я устал вас делить на двоих, на троих,
 Но мерцаете вы, как залапанный страз,
 Между старых козлов и коблов молодых.

Что нам делать, мадам, я ж вас так не отдам –
 Это кажется только, что скис я и стих...
 Я совсем не шучу, я веревку сучу
 Из растрепанных жизнью нервишек своих...

Только богу известно, как я вас люблю,
 Но срываюсь с цепи, как затравленный псих:
 Или вас, или их, иль себя удавлю
 На веревке, что свита из нервов моих!

ПЕСНЯ О ВСТРЕЧНОЙ МЕДСЕСТРЕ

У нее в ненастье – серые глаза,
А при небе ясном – словно бирюза...
Ну, а ночью темною – как и ночь бездонные
И на дно манящие русалочьи глаза!

А над Черным озером – перезвон гитар
И нахальной челки золотой пожар,
Прыгает, смеется – в руки не дается,
Только обещая драгоценный дар.

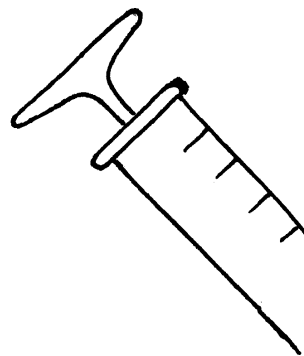
Темные поляны серебрит луна
И ласкает лодку тихая волна:
Эх, сестрица Таня, брось свои метанья –
Нам с тобой осталась эта ночь одна!

От костра последнего сизый дым пошел,
Лодку вместе с сердцем ставлю на прикол...
Что со мною случилось? Скука и усталость,
Как же для жар-птицы я клетки не нашел?

Поцелуй прощальный – вот и все дела,
Суэта вокзальная челку замела,
И сестрица Таня вирус расставания
Ржавую иглоу в сердце занесла!

А над Черным озером тишь и благодать –
Пары идиотов больше не видать,
Веслами усталыми никнет лодка старая –
Ей теперь жар-птицу вовсе не катать!

А в Москве прокуренной, в круговерти дней
Все не может дурень позабыть о ней.
Ох, сестрица Таня, вирус расставания –
Не ножом по пальцам, а куда больней!

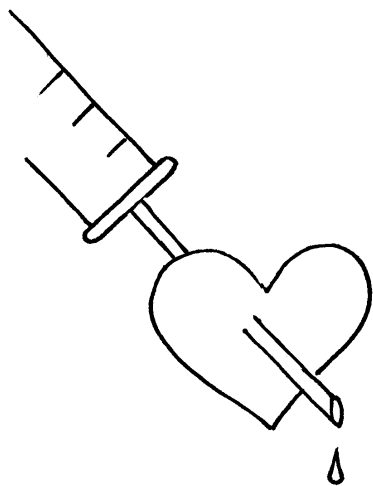

ВОСЬМАЯ МАРТА

В женской взбудораженной толпе
Завсегда бывали активистки:
При Тургеневе – эмансипе,
Ну а нынче – просто феминистки.

Но гласит народная молва,
И не доверять ей нет причины,
Что, как шуке зонтик, те права
Женщине в отсутствии мужчины.

Ваше равноправье – смех и грех,
Только слабость – это ваша сила,
Я бы вас перелюбил бы всех –
Дай бог, что бы пороху хватило!

ДОГОРЕЛО ЛЕТО

Ты на меня глядишь
Зелеными злыми глазами,
Этот недобрый взгляд
Сводит меня с ума,
Вот догорает лето
Осенней листвы кострами,
И далеки наши весны,
А впереди зима!

Мы виноваты в том,
Что приключилось с нами –
Я это понял теперь,
Пойми же и ты сама,
Что догорает лето
Осенней листвы кострами,
И далеки наши весны,
А впереди зима!

А ведь была любовь
Радостными ночами,
Вместо нее осталась
Скомканных чувств кутерьма,
И догорает лето
Осенней листвы кострами,
И далеки наши весны,
А впереди зима!

Все мерещится мне
Серыми вечерами
Лик твой зеленоглазый,
Рыжих волос чалма,
Но догорает лето
Осенней листвы кострами,
И далеки наши весны,
А впереди зима!

Скоро первый ледок
Хрустнет под каблуками,
Саван накроет белый
Улицы и дома,
И догорело лето
Осенней листвы кострами,
И далеки наши весны,
А впереди зима!

И МАТЬ ИХ СОФИЮ

Нам всем известно точно и давно:
 Чтоб от тоски не дать мужчине дуба,
 Есть средство очень верное одно –
 Три милых дамы: Вера, Надя, Люба.

Но если пробил наш последний час,
 (Усвоил я, на опыт древних глядя!)
 Сначала Люба с Верой бросят нас,
 И только лишь затем покинет Надя!

Но наш-то мир замешан на крови,
 И для всего в рублях известна мера,
 И нету ни Надежды, ни Любви,
 И нас одна спасает только Вера!

ПЕСНЯ В ЗИМНЕМ ЛЕСУ

Сосны красною медью окованы,
 Кроны старым горят серебром,
 словно стройные свечи церковные
 Над поляною – алтарём.

Умирающим солнцем просвечена,
 С песней сказочной, неземной
 Обнимала гитару женщина,
 Будто милого нежной рукой.

Нетерпеньем неистовым полная,
 О любви умоляла она,
 Но молчали поляны безмолвные –
 Тишина, тишина, тишина...

Ветки сосен качались по ветру:
 Унесу, унесу, унесу,
 Непонятная и непонятая
 Пела женщина в зимнем лесу!

БАЛЛАДА О СТРАШНОМ СУДЕ

Когда-нибудь в час урочный меня призовет создатель
И скажет, взглянув сурово из-под седых бровей:
Пришла пора отчитаться, давай, доложи, приятель,
Чем и как ты был грешен в жизни земной своей?

И я отвечу: соблазну я проиграл поединок,
Я грешен перед тобою, о всемогущий Бог!
Всю жизнь свою я, несчастный, безумно любил блондинок,
Но ты взгляни на них, Боже, ну что я поделывать мог?

И, если признаться честно, я грешен не только в этом,
Я каюсь, о всемогущий и милосердный Бог,
Блондинки не исключенье... Ещё я любил брюнеток,
Но, господи, будь свидетель, иначе ведь я не мог!

И, каяться – так уж каяться, ведь я никогда не был трусом,
А грешен – так значит грешен! Прости, милосердный Бог,
За то, что любил шатенок и светло и темно-русых,
Ведь это такая прелесть – я их обойти не смог!

Я знаю, Боже, я знаю: ты скажешь, что я бесстыжий,
Но я ж обещал признаться во всех прегрешеньях своих,
Поэтому не скрываю, что обожал я рыжих,
Ну как же забыть их можно, нахальных и озорных?

И был я чревоугодник, и в пост я лопал сметану,
А если поддать с друзьями – ни разу не пропустил,
Писал непотребные вирши, дымил подобно вулкану,
Хотя не марихуаной, а просто «Явой» дымил.

И Бог ответит сердито, нахмутив мохнатые брови:
Так это выходит, значит, что весь свой недолгий век
Ты выпивал и закусывал, да занимался любовью...
Зачем же ты жил на свете, ответствуй мне, человек!

И я отвечу, конечно, что занят я был работой,
А поддавал с друзьями – так после и на свои,
По голубому небу летят мои самолеты,
И вкалывают, как надо, ученики мои.

Не гнался я за халявой, и славой не был увенчан,
Родителей почитал я, детей, как умел, растил,
Не предавал ни разу я ни друзей, ни женщин,
Не воровал, не кланчил и милости не просил!

А ты мне в вину вменяешь шатенку или блондинку,
Любовь к хорошей закуске и лишний вина бокал,
Когда – ты сам же свидетель, что на моих поминках
Звучали мои же песни! И Бог мне в ответ сказал:

Ну, будет, заговорился, тебя послушаешь – вроде,
Растут за спиной твоей крылья и сам тебе черт не брат,
Такие как ты клиенты ни в рай, ни в ад не подходят,
Ступай же на землю к черту. И я возвращусь назад!

Я с вами, я снова с вами, отныне и навсегда,
С подругами и друзьями мне даже смерть не беда!

СЕКSGОРОСКОП В ЖУРНАЛЕ

Я слушал предсказания Зодиака,
Буквально ощущая вкус греха:
Где овну с рыбкой спать,
Как деве трахнуть рака,
Когда телицу льву употребить
И чем прекрасен в койке скорпион,
Но есть один неписанный закон,
И я его не в силах позабыть:
Теория полезна, но суха,
А практика куда сочнее, однако!

ПЕСНЯ О РОДИНКЕ

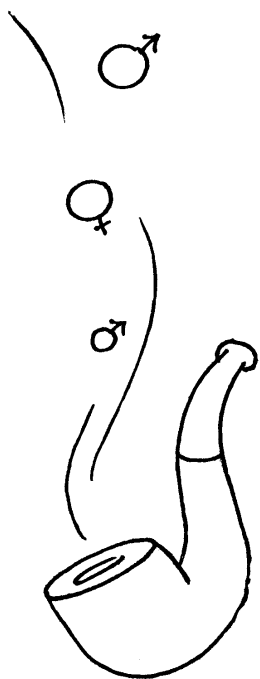
На старой фотографии,
 На старой фотографии,
 На старой фотографии,
 Преступно молодой,
 Мальчишка бестолковенький,
 В спецовочке неновёской,
 В спецовочке, заштопанной
 Заботливой рукой.

Как он картинно хмурится,
 Как он картинно хмурится,
 Как он картинно хмурится,
 И в голосе металл,
 С шотландскою бородкою,
 Костром пропах и водкою –
 Он служит в геофизике
 Уже второй квартал.

Он курит трубку папину,
 Он курит трубку папину,
 Он курит трубку папину,
 Махорочкой дымит,
 И сапоги кирзовые
 На нём почти что новые,
 А за плечом берданочка –
 Ну, очень бравый вид!

За ним леса сосновые,
 За ним леса сосновые,
 За ним леса сосновые,
 Зелёная стена,
 А где-то в камералочке
 Заждалась его Галочка,
 Московского начальника
 Законная жена.

А он студент по физике,
 А он студент по физике,
 А он студент по физике,
 И больше ничего,
 Он так хотел романтики,
 Но эти губки бантиком
 И руки эти нежные
 С ума свели его!

Он ищет нефть для родины,
Он ищет нефть для родины,
Он ищет нефть для родины –
Пойди её, найди!
Но ждёт его хорошая
И родинка горошиной,
Целованная родинка
На Галкиной груди!

Как баня жарко топлена,
Как баня жарко топлена,
Как баня жарко топлена,
Хотя и не зима,
И веник пахнет сказкою
И телом женским ласковым,
Ах, Галка, Галя, Галочка,
Зачем свела с ума!

Но вот беда случилась,
Но вот беда случилась,
Но вот беда случилась,
Как в августе мороз,
Промчались ночи пьяные,
Комиссия нагрязнула,
И муженёк-начальничек
Домой жену увёз.

На целый свет обиженный,
На целый свет обиженный,
На целый свет обиженный,
Глушил он водкой зло,
И сидя на завалинке,
Расплакался, как маленький,
Но понял – детство кончилось
И быльем поросло!

Потом он щит для родины,
Потом он щит для родины,
Потом он щит для родины
Всю жизнь свою ковал,
Но вечно помнил родинку,
Ту маленькую родинку,
Которую у Галки он
Всё лето целовал!

КОРОТКОНОЖКИ

Вчера в журнале с яркой лаковой обложкой
 Поведал всем сексопатолог-ветеран,
 Что, мол, неистовы в любви коротконожки,
 А длинноногие – приманка и обман.

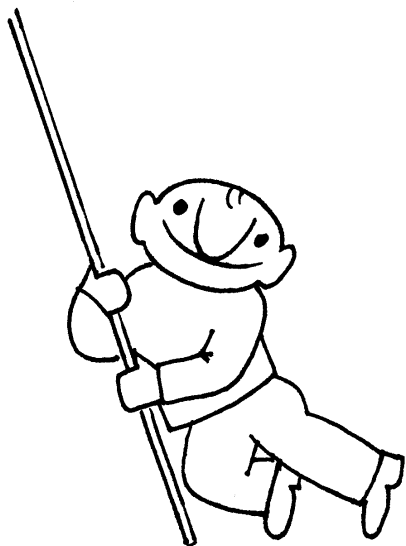
Коротконожки, коротконожки,
 Когда нам плохо, вы для нас как «неотложки»,
 Весёлые толстушки – хохотушки,
 Вам хочется любить не понарошку,
 Не понемножку – на всю катушку,
 На всю катушку, и чтоб сразу «ах!!!»,
 Ну, а фотомодели куда скромней в постели –
 И больше думают о тряпках и деньгах!

Хочу ребята, чтобы вы понять сумели,
 Что сам я понял на исходе сил,
 Как толку мало было мне от тех газелей
 И столько сладких коротышек пропустил!

Коротконожки, коротконожки,
 Когда нам плохо, вы для нас как «неотложки»,
 Весёлые толстушки – хохотушки,
 Вам хочется любить не понарошку,
 Не понемножку – на всю катушку,
 На всю катушку, и чтоб сразу «ах!!!»,
 Ну, а фотомодели куда скромней в постели –
 И больше думают о тряпках и деньгах!

Но есть надежды у меня хотя бы крошка,
 И пусть не знаю я ещё, когда и где,
 Как в сказке явится ко мне коротконожка,
 И в миг поднимет настроенье и т.д.

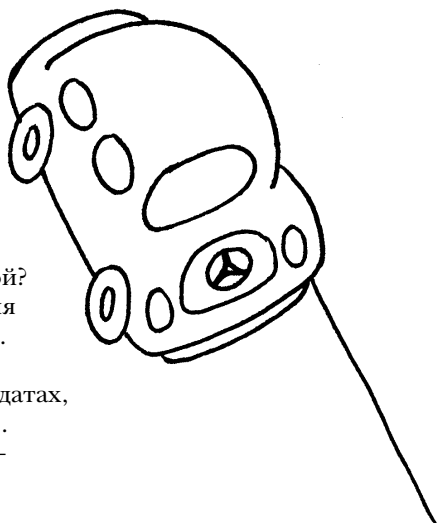
Коротконожки, коротконожки,
 Когда нам плохо, вы для нас как «неотложки»,
 Весёлые толстушки – хохотушки,
 Вам хочется любить не понарошку,
 Не понемножку – на всю катушку,
 На всю катушку, и чтоб сразу «ах!!!»,
 Ну, а фотомодели куда скромней в постели –
 И больше думают о тряпках и деньгах!

ПЕСНИ О РОДИНЕ

ПЕСНЯ ПРО ВСЕ ОСТАЛЬНОЕ

Где профиль твой благородный,
 где образ седой и древний,
 Что же случилось с нашей матушкой Москвой?
 Это червонорылая, хмельноокая злая деревня
 Села чутунным задом на город любимый мой.

А ведь давно ль это было, как отслужив в солдатах,
 На трояках они перли в Бауманский и МАИ...
 Радуйтесь, маргиналы: ваши теперь Арбаты –
 Старый Арбат и Новый, но переулки – мои!

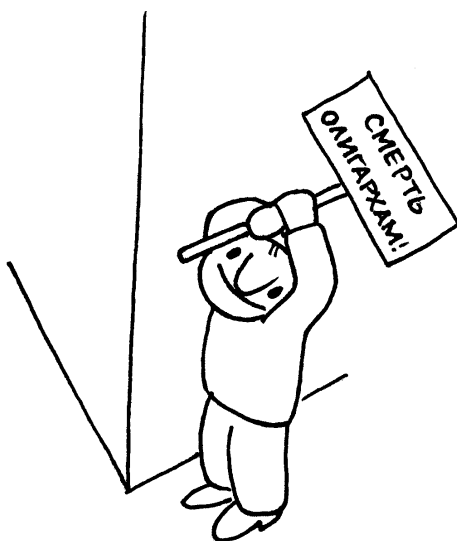
С выправкой комсомольской, с локтями тверже стали
 Все вы позахватили в этой несчастной стране...
 Радуйтесь, активисты: Бронные вашими стали,
 Малая и Большая, но переулки – мне!

Вы дворцов понастроили на Житной и на Полянке,
 И кружится над Тверскою глумливое воронье,
 Но ваши здесь только деньги, да казино и банки,
 Да «мерседесы» с блядами, а остальное – мое!

Долго кормила родина нас березовой кашей,
 И снова интеллигенция по самые уши в говне...
 Радуйтесь, мужепесы: даже правительство ваше –
 Дума, менты, прокуроры, но остальное – мне!

А все остальное – наше, в отличие от вашего скотского,
 Пусть только на бесконечности бывает правда права,
 Но есть для вас неприступная Москва Володи Высоцкого,
 Отца Александра Меня и Сахарова Москва!

Так пусть же живет и здравствует она, для вас незаметная,
 У нас в душе, златоглавая и ласковая как Мать...
 В одном мое утешение – этой Москвы заветной
 Деньгами и сапогами вам не дано топтать!

ПЕСНЯ БЕЗ СЛОВ

«Народ безмолвствует»

А. Пушкин

Во всем двадцатом веке
На целый мир одна
Лежит, сомкнувши веки,
Огромная страна.

Как ни было бы плохо,
Не месяц и не год –
Эпоху за эпохой
Безмолвствует народ.

Пороховой гуляет
Над родиною дым,
По нам во всю стреляют,
А мы вовсю молчим!

Богаты наши недра
И реки и поля,
Устроена так щедро
Родимая земля,

Но охай иль не охай,
Законом стало тут:
Положенное плохо,
Немедленно сопрут.

Снести беду такую
Под силу нам одним –
У нас вовсю воруют,
А мы вовсю молчим!

И вовсе непохожи
На мыслящих людей
Отъевшиеся рожи
Подвыпивших вождей,

Но здесь они как боги,
Владыки, господа,
И вытирают ноги
О поданных всегда,

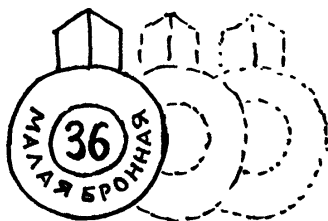
От края и до края
Везде сплошной интим,
И нас во всё сношают,
А мы всю молчим

Но нам известно с детства,
Как, что ни говори,
Поправить жизнь посредством
Сугрева изнутри.

Направо и налево
Такой правожидет,
Что клинит с перегрева
Поправленный народ!

К чему стезя чужая –
Грядем путем своим...
И мы всю бухаем,
А потому молчим!

МАЛАЯ БРОННАЯ

Володе Фарберу

Малая Бронная, ночи весенние,
Спят Патриаршьи пруды...
Белые лебеди – как привидения
В призрачном блеске воды.

Здесь мы родились и здесь мы извели
Годы военной беды,
Здесь мы с тобой пацанятами бегали
Около самой воды.

Пусть это кем-то забыто и пройдено –
Воспоминанья и сны,
Милая Бронная, малая родина,
Улица нашей весны.

Кто мог подумать, как годы прокатятся –
Дважды не быть молодым!
Кружится девочка в розовом платице
Лебедем возле воды.

С нею делил я рассветы бессонные,
Счастье и боль пополам,
И никогда свою Малую Бронную
Я никому не отдам.

Пусть это всеми забыто и пройдено
Воспоминанья и сны,
Милая Бронная, малая родина,
Улица нашей весны.

Ты нас проводишь в сиянии лунности,
Бронная, в вечный маршрут –
Что нам бояться? По улице юности
Внуки с гитарой пройдут.

И под луной засверкают неистово
Черным алмазом пруды,
И закачается лебедь таинственный
В призрачном блеске воды.

Это для вас все забыто и продано –
Воспоминанья и сны,
А для меня это – милая родина,
Улица нашей весны.

ПЕСНЯ ДЛЯ ДЕТЕЙ О СОЖЖЕННЫХ КОРАБЛЯХ

Только честь нам осталась и знамя,
Да осколок родимой земли,
За спиной, подожженные нами,
Полыхают огнем корабли!

Знаем мы, бесполезно удачи
У затраченных Парок просить –
Если мы хоть чего-нибудь значим,
Нам держать эту тонкую нить.

Нам держать, нашим потом и кровью,
А не службой от сих и до сих,
Нашей верой и нашей любовью
И канатами нервов своих!

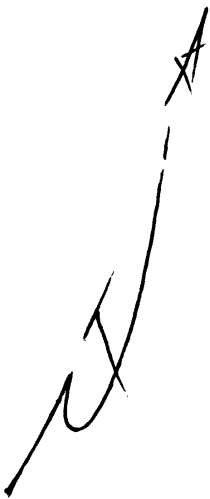
Так держать! Аж рубаха намокла,
Если грянет решительный час,
То под меч разгилая Дамокла
Наши шеи подставим за вас.

Никогда мы не будем пощады
У хмельной Немезиды молить,
Нам венков и медалей не надо –
Удержите некрепкую нить,

Нашу честь сберегите и знамя,
Соберите осколки земли,
Неужели напрасно за нами
Догорают в огне корабли?

ГАСНУЩИЙ ВЕЧНЫЙ ОГОНЬ

Мы четыре сезона кровавую глину месили,
Мы друзей оставляли в разверзнутом чреве Земли...
Имя грозного бога поруганной им же России
Мы на страх всей Европе на штыках до Берлина несли!

Вот окончен поход, я домой из Германии еду
Весь в медалях и шрамах, и кажется мне, что не зря,
Но украли у нас нашу юность и нашу победу,
И пошли мы пахать, кто в колхозы, а кто в лагеря.

Полстолетия с тех пор мы пахали, месили, носили,
Хоронили ребят, тех, кто с нами Европу прошли...
Много было вождей у растраченной ими России –
Мы по площади Красной их портреты как знамя несли!

Но и это прошло... Только я никуда не уеду:
Нет ни веры, ни сил, понимаю, что прожили зря –
Вновь они украдут нашу старость и нашу победу,
И мы тихо исчезнем, как вечером гаснет заря.

Мы у них для себя ничего никогда не просили,
Не за них в сорок пятом в атаку последнюю шли...
Сколько ж будет еще благодетелей бедной России?
Наши внуки! Простите, что вам мы помочь не смогли...

ЗАВЕРШЕНИЕ ВЕКА

(посвящается светлой памяти последнего романтика XX века Булата Окуджавы)

*Возьмемся за руки друзья,
Что б не пропасть по одиночке*

Песня Булата

«Боливар не выдержит двоих»

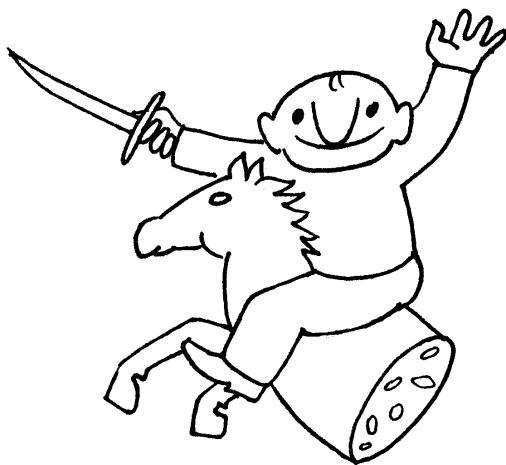
Символ современной веры

Ну, вот мы все и исполнили,
За что мы были в ответе,
Исполнили, как умели,
Порою и невпопад –
Живите, потомки, счастливо
В своем двадцать первом столетии,
А нашему веку двадцатому
Пропел отходную Булат!

Мы кажемся вам смешными,
А наши принципы – старыми,
У нас, говоря по вашему,
Отсталый менталитет,
И с нашими непрактичными
Двухместными Боливарами
Для нас в двадцать первом столетии
Вакантного места нет!

Для вашего века мы вкалывали,
Как в шахте – слепые лошади,
Не ради похвал начальственных,
Не ради наград и зарплат,
Не всем нам хватило пороку
С плакатами выйти на площади,
Но вечерами кухонными
Нам пел о правде Булат.

А коль мы чего не допели,
Вы нас извините, дети,
Дай бог превратить вам Россию
В прекрасный цветущий сад!
Пусть все у вас там получится
В своем двадцать первом столетии,
А нам – на синий троллейбус,
Которым уехал Булат!

ПАМЯТНИК ВЫСОЦКОМУ

На краю бульвара Петровского
Над Москвою стоит, распят,
Бедолага зелено-бронзовый,
Неживой с головы до пят.

Это просто памятник телу,
Что из мяса, костей и жил,
Вот поставить бы памятник делу,
Для которого он и жил!

Для которого сжег он тело,
Переплавил голоса медь –
Просто сердце его не умело
Ни о чем, кроме правды, петь!

Когда грязной рукой зажимают
Раскаленный от песни рот –
Правда быть не может немая,
Петь не дали – она орет.

Если б только представился случай,
И хоть кто бы меня спросил,
Лиру с проволокой колючей
Я б на камень его водрузил!

Что бы было понятней миру,
Что в несчастной моей стране
Спроса нет на правду и лиру,
Зато проволока – в цене!

МОЙ НАРОД

*Светлой памяти моего отца, профессора Исаака Рабиновича,
– строителя Кузнецкого металлургического в 1932 г.,
– подрывника в 1941 г.,
– безродного космополита в 1946 г.,
– разработчика сварочного оборудования
для космической сварки в 1975 г.*

С каждым годом горше и острее
Я ищу ответа на вопрос
О судьбе российского еврея
На земле, где он с пеленок рос.

Часто взгляды я ловлю косые
Пьяного, бездарного хамья –
Не могу я их считать Россией,
Родина великая моя!

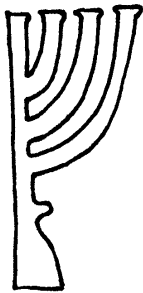
Вспоминаю жизнь свою с начала:
Сорок первый, Боже, как давно...
Бабушка еврейская читала
Мне не «Репку», а «Бородино».

В час, когда поправ иные страны,
Перешел границу черный сброд,
Меч святой, еврейским богом данный,
За Россию поднял мой народ.

Поднят меч, его не остановишь,
Только смерть – иного не дано:
За Россию Изя Фисанович
Шлет торпедой гадину на дно!

В Прохоровке, на земле орловской,
Сталь на сталь – идет кровавый бой:
На горящем танке Марьяновский
Заслоняет Родину собой.

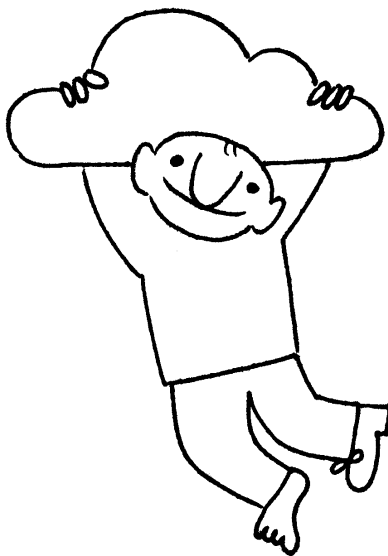
А когда ефрейтор из дурдома
Разбомбить Россию дал приказ,
Истребитель Лавочкина Семы
Рощи левитановские спас!

Нет, победа нам – не с неба манна,
Кровью заработана она.
Русский бас еврея Левитана
Майским утром слушает страна...

Мы лечили, строили, учили ...
Горек был удел, но много дел –
Просто повезло, что Джугашвили
Всех в Сибирь упечь нас не успел.

Но, отринув бредни вековые,
В знаниях, искусствах и в бою
Прославляли мы тебя, Россия,
Родину суровую свою!

И не нужны взгляды мне косые –
В славный час и в час лихой беды
Мы тебе – сыны твои, Россия,
Или же пархатые жиды?

ПОПУТНАЯ ПЕСНЯ

Мы идем по годам, по неделям, по дням как по шпалам,
Неизвестно зачем, с кем идем, почему и куда,
А кругом между рельсов разбитых, погнутых и ржавых,
По колено, по пояс, по шею растет лебеда.

А над ухом моим малахитовой мухи гуденье,
На проплешинах россыпь плевков и бутылок пустых,
Бьет по нервам моим мерзопакостный дух запустенья,
И глаза мне мозолят пейзажи путей запасных.

Как зашли мы сюда, видит бог, объяснить не сумею,
Только знаю: пора выбираться на путь основной,
Там, где люди живут, там, где ветры веселые веют,
И по рельсам хрустальным несётся экспресс голубой.

Пусть туда далеко нам идти, лебеду раздвигая,
Пусть осколки бутылок нам ноги усталые рвут,
Мы дойдем, доползем, и про вонь, и про грязь забывая,
Ради правнуков наших свершая смертельный маршрут!

Ну, а тот, кто дойдет в те края, где трава зеленеет,
Где смеются девчонки, и все утопает в цветах,
Тот пускай никогда, ни за что позабыть не посмеет,
Как мы мордой по шпалам скользили на мерзких плевках!

ВОТ ТАКАЯ АРИФМЕТИКА

*«Коммунист – это человек, который
на вопрос «Сколько будет дважды два?»
начинает ответ со слов «Видите ли»
Математико-философское определение*

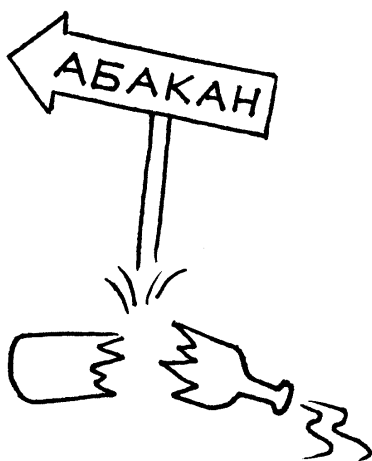
*«Комсомальцы все доводят до конца»
Аксиома*

Видали мы партайгеноссов,
Но этот – просто нету сил!
«Я математик и философ» –
Российский фюрер заявил.

Приятно говорить со сменой
С философических высот,
Витийству крокодила Гены
Внимает молодой народ.

«Вы наш оплот, вы смена наша,
Вам наш горячий компривет!»
И хор бездумных чебурашек
«Зюг хайль!» кричит ему в ответ.

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПОСЛЕДНЕЙ ТЕЛЕНЕДЕЛЕ ЯНВАРЯ

Давосами озанудены,
Прокладками опаскудены –
Совсем приходит хана.
Нас мордой в ночную посудину
Фоменки тычут, Распутины,
И с мерзкой усмешкой иудиной
Нам в душу гадит «На-на».

Везде презумпция плотского,
От Балтики до Охотского,
Но мы выживаем, пока
На фоне шабаша скотского
Нам Юрский читает Бродского,
И рвутся волки Высоцкого,
И тянутся к Абакану
За Галичем облака.

А ВОТ ПУШКИНА НЕТ И НЕТ

Кто на этот вопрос ответит?
Все молчат, кого не спроси:
Почему полтора столетия
Нету Пушкина на Руси?

Это что ж за беда такая?
Не понять никак, в чем секрет:
Знаменитых у нас хватает,
А вот Пушкина нет и нет!

Был он предками горд своими –
В этой гордости был резон:
Восемь Пушкиных в ряд с другими
Возвели Михаила на трон.

Только как бы мы ни старались,
Не понять никак, в чем секрет:
И дворяне еще остались,
А вот Пушкина нет и нет!

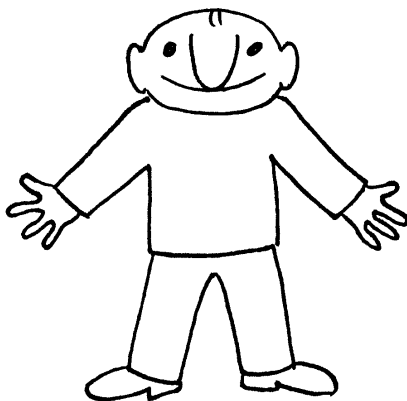
А что дама там, или девица –
Это было ему все равно,
И разбил он, как говорится,
Сердце женское не одно.

Это что ж за беда такая?
Не понять никак, в чем секрет:
На Руси блядунов хватает,
А вот Пушкина нет и нет!

Как мешал он вино с досугом
В ярком блеске пенной струи,
Как любил он на пару с другом
Выпить целое море Аи!

Это что ж за беда такая?
Не понять никак, в чем секрет:
На Руси выпивох хватает,
А вот Пушкина нет и нет!

Знал он толк в цилиндрах и фраках,
А как галстук повязывать мог!
Ростом, правда, не вышел, однако
Был изящен, как юный бог,

Это что ж за беда такая?
Не понять никак, в чем секрет:
Франтов тоже у нас хватает,
А вот Пушкина нет и нет!

За горячей этой натурой
Джентльмена и удалца,
Под курчавою шевелюрой
Был могучий мозг мудреца.

Это что ж за беда такая?
Не понять никак, в чем секрет:
Мозговитых у нас хватает,
А вот Пушкина нет и нет!

Был горячим и пылким в спорах,
И навеки честью пленен,
И любого крутого бретера
Мог на место поставить он.

Это что ж за беда такая?
Не понять никак, в чем секрет:
Забияк у нас тоже хватает,
А вот Пушкина нет и нет!

А о том, каким был поэтом,
Мы давай с тобой помолчим,
Что бы тень великую эту
Не тревожить словом своим.

Это что ж за беда такая?
Не понять никак, в чем секрет:
На Руси поэтов хватает,
А вот Пушкина нет и нет!

Человек был великой цельности,
А не только великий поэт...
А у нас всего по отдельности
До хрена, а Пушкина нет!

РОВЕСНИКИ МОИ

ПЕСНЯ О НЕВОЕВАВШЕМ ПОКОЛЕНИИ

*Нас водила молодость в сложный турпоход,
Нас бросала молодость на хоккейный лед,
Беговые лошади волновали нас
И на Красной площади – растлевали нас, но...*

Мы с тобой, ровесник, Перекоп не брали,
На конях горячих степью не скакали,
Шашки голубые чайками взлетели –
Это наши папы там осиротели.

Мы с тобой, ровесник, Сталинград не брали,
И в снегах у Волги насмерть не стояли,
Где в горячке боя пулеметы пели –
Это мы с тобою там осиротели.

Мы с тобой, ровесник, Кандагар не брали,
В вертолете тесном небо не пахали,
Рявкнули базуки по крутым ущельям –
Это наши внуки там осиротели.

Нас с тобой, ровесник, годы пощадили –
Только на воскресник нас силком водили,
Наше поколение хоть и голодало,
Кроме как «на лапу» ничего не брало!

Только быют вопросы по лбу, а не мимо:
Это наш «Суворов», это наш «Нахимов»,
Это мы с тобою – очередь за мясом,
Это мы проспали взрыв под Арзамасом!

И когда в парадном ловят кайф ребята,
Мы с тобою в этом тоже виноваты,
Вечно торопились, что-то проглядели,
Может, лишних денег зашибить хотели?

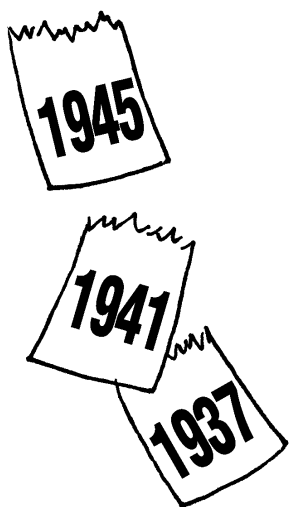
И когда в Афгане гибнут наши дети,
Мы за это тоже, друг, с тобой в ответе:
Где-то побоялись, в чем-то бляданули,
И пошли мальчишки на шприцы и пули!

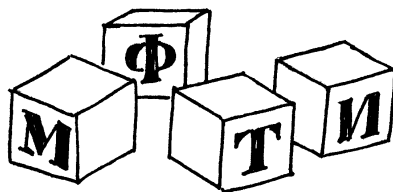
Как же это вышло, друг ты мой, ровесник?
Мы не в силах слово выкинуть из песни,
Но ни хрусталями и ни «жигулями»
Не вернуть долгов нам ни снохе, ни маме!

Стало быть, напрасно годы нас щадили,
И совсем неясно, для чего мы жили...
Только с этим стоит что-то делать братцы,
Время из окопов теплых выбираться.

Встань же друг-ровесник, не сгибая спину –
Так идут в атаку под огнем мужчины,
И долги заплатим рваными сердцами
Родине и внукам, и снохе, и маме!

1989г.

НАШ ЗЕМЛЯК И РОВЕСНИК

*Я не люблю, когда мне лезут в душу,
Тем более, когда в нее плюют!*

В. Высоцкий

Время годы мотает, мы, земляк, постарели с тобою,
И уходят ровесники на ту сторону и навсегда:
Вот еще одного москвича не дождались из боя,
И ему не гулять, и не петь, и не пить никогда.

Он остался для нас – то угрюмым и злым, то веселым,
Он нам жить завещал и нелегкую правду свою,
На Ваганькове он, и придавлен плитой тяжелой,
Что б не встал и не спел он, убитый в неравном бою!

Много нынче друзей у него на работе и дома,
И поэтом России, кто хочет, торгует вразнос,
А мы знали его, хоть и не были лично знакомы –
Он из наших дворов, он на этих же улицах рос.

И рокочат аккорды на Мещанской, на Бронной, на Мытной,
И, обнявши гитару, по Бульварам идет он опять,
Можно гроб придавить и бетонной плитой, и гранитной,
Ну, а песню нельзя ни убить, ни купить, ни подмять.

Так всегда на Руси – после смерти запишут в гиганты:
С мертвым как-то спокойней, и нету как прежде хлопот,
Но включи телевизор: та же сволочь там ищет таланты,
Бодро задом вертит и со смаком о счастье врет.

Мы стареем, друзья, по Мещанским, по Бронным, по Мытным,
Нам стареть без него – он остался навек молодым
Наш земляк и ровесник – не бронзовый и не гранитный,
А живой, словно правда и песня, пропетая им.

1988г.

ЗОЛОТОЙ ФИЗТЕХ

Нашей альма-маме и всем её сыновьям

Пятьдесят – кому-то и не дата,
Но и просто вспоминать приятно:
Кто бы нас послал сейчас ребята,
Как прежде,
К нашей альма-матери обратно...

Вновь пройти по старой Долгопрудной,
По грязям, как раньше мы ходили,
Где жилось нам весело и скудно,
Но чудно,
Там, где нас учили и любили.

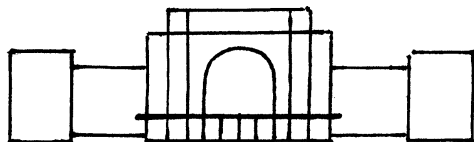
Где дубок у старенькой общаги
Нам милей, чем сочинские пальмы,
Взяли бы бутылку мы в «Сельмаге»,
А как же,
Возле доброй старой мамки-альмы!

На троих бы мы ее распили,
Как уже от века повелось –
Помянули б тех, что нас учили,
Как надо,
Что бы мягче им в земле спалось.

Капицу, Горелика и Ганта –
Нынешние пусть не обессудят,
Потому что этаких гигантов,
Уж точно,
На физтехе никогда не будет.

И затем добавим мы, конечно,
За кого мы ранее не пили:
За друзей-товарищей ушедших
Навеки,
Тех, что до сегодня не дожили.

Пятьдесят – кому-то, может, мало,
А для нас с тобой большая вежа,
Потому бы выпить не мешало,
И крепко,
За здоровье всех живых физтехов,

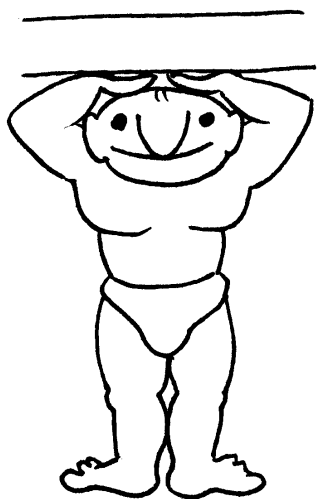

За Физтех и за большую дату,
И за все, что вспоминать приятно,
Нет, никто нас не пошлет, ребята,
А жалко!
К этой альме-матери обратно.

Поседали мы и полысели,
Потому как – жены, дети, служба,
Но зато проверена на деле,
Годами,
Верная физтеховская дружба.

И когда тебе бывает трудно,
И когда беду осилить нечем,
Пусть придут из старой Долгопрудной,
Как раньше,
Старые друзья – подставить плечи.

Вот за это выпьем мы без спеха,
Доверху налей вина в бокалы:
Если пить за всех живых физтехов,
По полной,
То бутылки на нос будет мало!

О ГОРБАТОМ ДРУГЕ

Игорю

Хоронили вчера, казалось –
А он дед, давно уже дед...
Ох, как скоренько намоталось
На судьбу нашу двадцать лет!

Чёрт-те что, до обидного скоро –
И ему и нам шестьдесят!
Трое толстых седых старперов
Над могилой его стоят.

А с фарфорового овала,
Ироничен и деловит,
Улыбаясь, как бывало,
Молодой человек глядит.

Жизнерадостный, бородатый,
Чуть застенчивый, вдрызг больной,
Да, при жизни он был горбатый –
Но по жизни он был прямой!

Кабы молодость бы да силы,
Так и я бы ходил прямой,
А вот тут стоим над могилой,
Изгорбаченные судьбой.

Вот такая и вышла тризна,
Неужели же мы виной,
Что горбата наша отчизна
За кладбищенскою стеной?

И слова убийственной пули
Услыхал я из-под земли:
«Что же вы, мужики, взбляднули,
Что ж вы спину держать не смогли?»

Отвечаю не без досады,
Что, мол, знаем причины зла,
Да и рады держать, как надо –
Слишком родина тяжела,

Слишком многое нам досталось
За нелегкие эти года,
И невиданная усталость
Покривила нас навсегда.

И уже ничего не мило,
И не можем стремиться ввысь...
Постояли мы над могилой,
Постояли и разошлись...

5 АВГУСТА 1999 ГОДА.

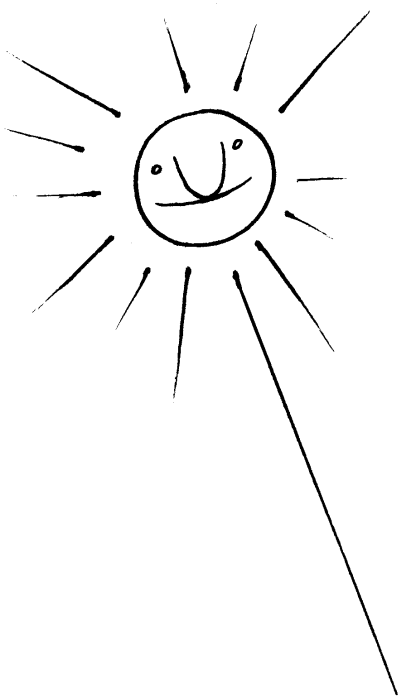
*Ветеранам «почтовых ящиков» –
инвалидам холодной войны.*

Изумленный и влюбленный
Я иду по Малой Бронной,
Не по новому асфальту –
По булыжной мостовой,
И залиvisto и звонко
Две шкодливые девчонки
Вновь хихикают под липой –
Только жаль, что не со мной.

Соответственно природе,
Наше время на исходе,
И оно за нас подводит
Заключительный баланс:
Чем мы в жизни козырнули?
Видит Бог, не густо в пуле,
И с огромною горою
Завершаем преферанс!

Как мы носом землю рыли,
Что бы сказку сделать былью,
Шли сквозь бури и метели,
Словно на последний бой...
Сколько песен не допели,
Сколь мы водки не допили,
Скольких мы не долюбили,
Мой ровесник дорогой!

Что ж в итоге нам осталось,
Только скука и усталость?
Неужели этот возраст
Мы с тобой не победим?
Ни хрена, нет места тризне!
И еще при этой жизни
Допоем, допьем, долюбим –
В общем, шороху дадим!

ВРЕМЯ

Юре Попову и Юре Пухначёву

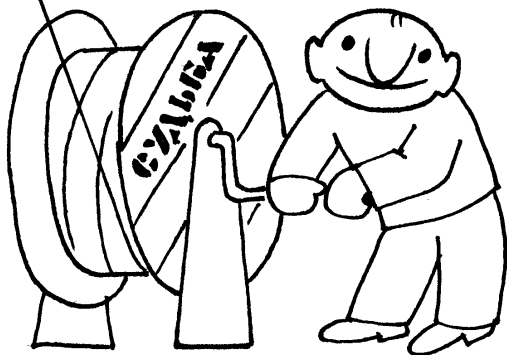
Время судьбы людские, словно нитки, мотает,
На тугие катушки уходящих годов,
И стремительно тает и в ночи пропадает
Круг друзей моих верных, круг заклятых врагов!

Не схватиться с врагами, не напиться с друзьями...
Это гнусное слово: «Никогда, никогда!»
И хоть правда за нами, и мы сами с усами,
Но судьба, как Сусанин, завела в никуда.

Мы судьбе не пеняем, что наш мир невменяем,
Ни на что не меняем старой дружбы своей,
Пусть на сердце усталость, пусть нас мало осталось –
Эту самую малость не отдам, хоть убей!

Что нам делать, ребята? Умирать рановато,
Пусть уже маловато и друзей и врагов,
Соберемся, ребята, поддадим, как когда-то,
И потом супостатам надаем тумачков!

И пускай тогда время наши судьбы мотает
На тугие катушки уходящих годов –
Наша правда за нами, и мы сами с усами,
И друзей много больше, чем заклятых врагов.

С ВЕРШИНЫ

Моим друзьям – юбилярам и пенсионерам

Друг мой верный, друг ты мой старинный
Нет, сегодня не напьюсь я, нет!
Неужели водка или вина
Крепче дружбы стажем в сорок лет?

Мы уже спускаемся с вершины,
Ну а вниз намного тяжелей,
Дай мне руку Толя – матершинник,
И по полной, как всегда налей!

Витя, шестьдесят – уже глассада,
Полоса всё явственней видна,
Но спешить с посадкою не надо –
Жизнь прекрасна, и всего одна.

Пролетели годы, как недели,
Только рано покидать седло,
Только рано списывать нас, Фея, –
Ногу в стремя, шашки наголо!

Мы любые беды перемелем
И удержим жизненную нить,
Чтобы дружбы нашей терпким хмелем
Еще долго душу веселить!

ДРУЗЬЯ УХОДЯТ

(памяти Вити Анкудинова и Оли Поливановой)

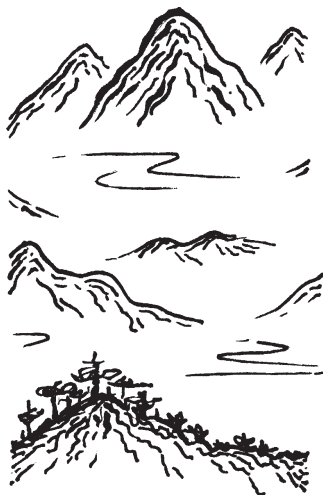
*Друзья уходят как-то невзначай...
А мы смеемся с новыми друзьями...*

Из известной песни

У вас друзья уходят невзначай –
Мои ушли, оставив в сердце раны,
Затем, что это невозможно рано,
Затем, что нечем утолить печаль!

Мне старой дружбы хватит до конца,
Мне заменять их незачем и нечем,
Они всегда в беде подставят плечи
И распахнут уставшие сердца.

Они везде со мной, во всякий час,
И потому – какая к чёрту память?
Кто может, смейтесь с новыми друзьями,
Коль это рассмешить способно вас!

ХОРОШО ПО ЛЕСАМ И БОЛОТАМ

НЕ ДОЖДЕТЕСЬ!

Боре Грожданкину

Нам еще на пенсию рано,
Мы не брюхом, а духом бодры –
Пусть, по мнению д`Артаньянов,
Мы давно безнадежно стары.

Да, мы судим о многом строго,
Сторонимся всяких афер:
То, чего для Атоса много,
Слишком мало для де ла Фер!

Мы еще насидимся дома,
Где покой, тепло и уют,
Где стоустые «CD-goop»ы
Виртуальные песни поют.

Но пока еще есть охота,
И не скисла бывшая стать,
Хорошо по лесам и болотам
Приключений и песен искать.

Сладко стонет в руках гитара,
Закопченная дымом костра...
Нет, нигде еще мы не стары,
Никуда еще нам не пора!

ГРАВИМЕТРИЧЕСКИЙ РОМАНС «ДЫМ КОСТРА СОЗДАЕТ УЮТ»

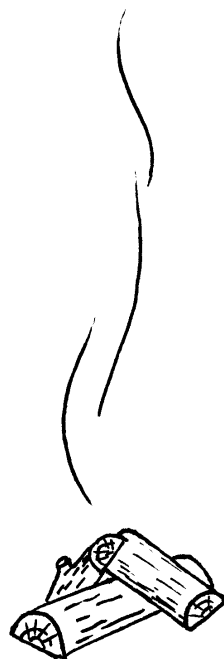
Боре – колымскому гравиметристу и московскому алкоголику, задушенному грузовиком у «Бакалеи» на Никитской рядом с храмом Большого Вознесения 40 лет тому назад.

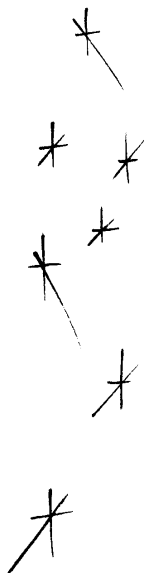
Над седыми распадками,
Над уснувшей тайгой
Виснет тонкими прядками
Дым костра голубой,
Преют листья опавшие,
Над землей звездопад,
И ребята уставшие
По палаткам храпят...

Сколько петель намерено
По жару и пурге,
Сколько жизни потеряно
По зеленой тайге,
Сколько судеб расколото,
Только все это зря –
Где искали мы золото,
Там теперь лагеря!

Красотища кедровая,
На бараки пошла,
И колючею проволокой,
Колыма заросла,
По таежным малинникам
Не следы волчьих лап,
А проторенным зимником
За этапом – этап.

Для того ли рассветами
Мы тропили тайгу,
Со своими пикетами
Утопая в снегу,
Чтоб на полюсе холода
Мордовали людей
За брильянты и золото
Для кремлевских блядей

Отчего пряди сивые
На дурной голове?
Нас девчонки красивые
Не дождались в Москве,
Нашей пьянкой погублены
И любовь и мечты,
И судьбою изрублены
За спиною мосты.

Спят мужчины усталые,
Жизнь пропивши зазря,
А над сопками алая
Полыхает заря,
Над худыми палатками
Вместе с нашей судьбой
Тает тонкими прядками
Дым костра голубой!

ПОМНИШЬ, ТОВАРИЩ, БЕЛЫЕ СНЕГА...

Все меняется круто
В роковые года:
Вам по старым маршрутам
Не ходить никогда,

По литовским озерам
На байдарках не плыть,
А про Фанские горы
Так и вовсе забыть...

И в кавказских предгорьях
И в отрогах Карпат
Только слезы и горе,
И деревни горят,

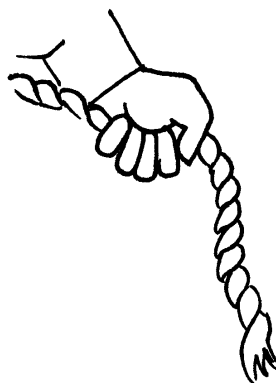
И в аул с самолета
Бьет ракетой пилот,
А морская пехота
Штурмом Грозный берет.

Где ходили туристы
Заповедной тропой,
Там сегодня танкисты
Выдвигаются в бой,

Там Серега Трегубов
И Бесланов Ахмат
Как враги друг на друга
В перекрестье глядят.

Это раньше шагали
Они в связке одной,
А теперь их послали
На убой, на убой.

И не гром камнепада
По ущельям седым –
Хлещет огненным градом
По своим, по своим!

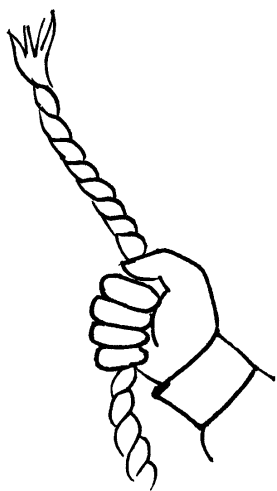
Эх, Серега Трегубов,
Эх, Бесланов Ахмат:
Вам бы взять ледорубы –
На хрена автомат?

И, как прежде бывало,
Штурмовать камнепад –
Пусть отцы – генералы
Друг по дружке палят!

Но не слышит Серега,
Приумолкнул Ахмат –
Знать отправились к богу
Души наших ребят

И в тельняшках кровавых
За чужие грехи,
За хозяйскую славу
Погибают полки...

*Господа офицеры,
Я прошу Вас учесть!*

ПОЛЕВАЯ ПЕСНЯ

Мутный спирт из приборов запиваем мы ржавой водою,
И суставы нам крутит промозглый болотный туман...
По якутской тайге с комарами, клещём и мошкой
Для России мы ищем алмазы, свинец и уран.

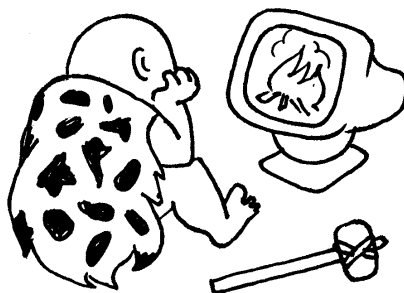
А путь наш далек и долог,
Хмурый дождь под спецовку течет,
А турист – второсортный геолог,
И к тому же за собственный счет!

Пусть кого-то манит лесотундра в Колымские дали,
Им бы песни попеть, а у нас лишь работа и план.
Мы тогда с голодухи всю Красную книгу сожрали,
Чтоб найти для России алмазы, свинец и уран.

А путь наш далек и долог,
И пурга нас по морде сечет,
А турист – второсортный геолог,
И к тому же за собственный счет!

Кызылкумский песок пробивался в палатку сквозь щели,
Там, где гибли верблюды, человеческий прошел караван.
Мы забыли про то, как от женщины пахнет в постели,
Но нашли для России алмазы, свинец и уран.

А путь наш далек и долог,
И нещадное солнце печет,
А турист – второсортный геолог,
И к тому же за собственный счет!

КОСТЁР

Ночь пришла, но уснёшь не скоро,
Хоть храпит за стеною родня –
Свет загадочный монитора
Завораживает меня...

Может, так же глаза тарашил,
Ухом чуток и зреньем востёр,
Волосатый угрюмый пращур
На горевший в ночи костёр.

День ушедший он прожил не даром,
Неплохой получился день...
Что б оленя – одним ударом!
И хороший, жирный олень.

Возвращаясь походкой упругой
В своё сумрачное жильё,
Обнаружил в кустах подругу
И слегка полюбил её.

Но сейчас-то какая сила
Бедолагу лишила сна,
Он сидит, мастерит рубило,
Припозднившийся до темна.

Все движенья точны и быстры:
Посреди уснувшей земли
Голубые сверкают искры,
Словно звёзды в небесной дали!

Вот звезда голубая упала
На сухой прошлогодний мох,
Удивился он, как сначала
Закурился седой дымок.

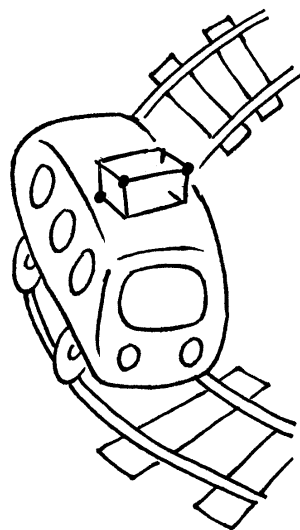
А когда занялся пламя
Прямо рядом, у самых ног,
Подкормил он сухими сучками
Этот новенький огонёк.

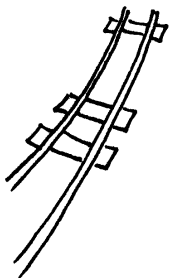
И сидел, протянувши руку,
Над костром согревая ладонь –
Прометей, для грядущих внуков
У богов укравший огонь!

Он сидел, нахохлясь по-птичьи,
На века повзрослевший вдруг...
Он не понял ещё, что величие
Не всегда исходит от рук.

Просто встал, потянулся сладко
И пошёл коротать свой век,
С ещё очень звериной повадкой,
Но уже совсем человек...

Серо-розовый перламутр
Залил синюю гладь небес:
Я встаю, выключаю компьютер,
С рюкзаком отправляюсь в лес.

ПРЯМУХИНСКАЯ ПРЕДИНФАРКТНО-ПАСХАЛЬНАЯ

Трамваю №11 посвящается

Вновь на койке больничной подбиваю итоги,
По катетеру в вену рифмы лихо текут,
А по торжокской дороге, без забот и тревоги
Ваши крепкие ноги топчут верный маршрут.

Надо мной за окошком голубые зарницы
В чёрном бархате неба над притихшей Москвой,
И в вонючей больнице долго будут мне сниться
Ваши милые лица над Осугой рекой!

На душе озверелость – не собраться, хоть тресни,
Иль по морде кого-то, или лбом о косяк,
Ох, как мне бы хотелось в воскресенье воскреснуть –
Хоть на час, да воскреснуть, но не ведаю как!

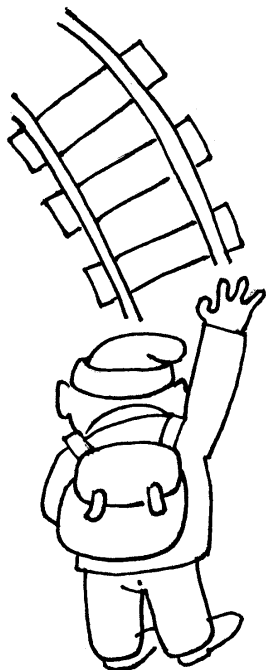
Воскресенье Христово в полупьяной столице,
А у нас в отделенье – просто вечный покой,
В этой гнусной больнице долго будут мне сниться
Ваши милые лица над Осугой рекой!

Я лежу непристойно перед докторшей стройной,
На иголках распятый, как Христос, распростёрт,
А в прямухинской пойме всё темно и спокойно,
Только дьявольским глазом жёлтый светит костёр.

Над промёрзшей долиной дым лиловый струится
Под гитарные стоны и напев озорной,
А в вонючей больнице долго буду мне сниться
Ваши милые лица над Осугой рекой!

Я живой, я не верю, что у бога я в руке,
Что больничная койка мой рубеж роковой –
Просто надо очнуться и дымком затянуться
Костровым и табачным над Осугой рекой...

Ох, как надо очнуться и дымком затянуться
Костровым и табачным над Осугой рекой!

ДО ФОНАРЯ

*Так свою жизнь я поспешно связал
с глупой звездой...*

В. Высоцкий

Можешь выйти на площадь?

А. Галич

Мы этот город видели в гробу –
Там так остры проблемы бытия,
Мы верим только в звёзды и судьбу,
А кто не верит – бог тому судья.

Пускай здесь правят вор и лиходеи,
Пусть беззащитен слабый и больной,
Но нам дороже ртутных фонарей
Вот эти десять звёзд над головой!

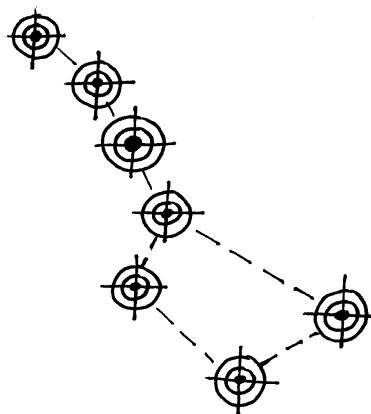
Простой рецепт – мы все уйдём в поход,
На фонарях отточим нашу спесь,
А если что-то вдруг произойдёт,
То не сейчас, не с нами и не здесь!

Мы здесь оставим наших матерей,
Родную дверь захлопнув за собой,
Чтобы бежать от ртутных фонарей
Под эти десять звёзд над головой!

Оно, в лесу, конечно, гладь и тишь –
Хошь птицей пой, а хочешь – волком вой,
Но ты не волк и в лес не убежишь
От этой мрачной жизни городской.

И час придет – из кованых дверей
Нас на этап сопровождает конвой,
Подальше от московских площадей,
На речку, что зовётся Колымой.

Конечно, в душных комнатах теплей,
Чем здесь, в колымской тундре продувной,
Где вместо жёлтых ртутных фонарей
Глаза волков и звёзды над землёй.

И это всё, хоть лбом о столб стучи,
Сюжет известен и финал знаком:
Кровавый отблеск в сумрачной ночи
От красных звёзд над чёрным козырьком.

Суд пролетарский на расправу скор,
Взвод комендантский выполнит приказ,
И передёрнув весело затвор,
Звезду, как пулю, всадит промеж глаз.

А мы бежать пытались от людей,
Спасти от жизни в тишине лесной,
Не ведая, что жизнь – она важней
Десятка глупых звёзд над головой.

И что с того, что многим всё равно,
Что хочется напиться от тоски:
Не всем на площадь выйти суждено,
Но и бежать отнюдь не по мужски.

Поэт в России больше, чем поэт,
Святой в России больше, чем святой,
И выбирает Пушкин пистолет,
А не десяток звёзд над головой!

ЗА ЖИЗНЬ

БОТКИНСКОЕ

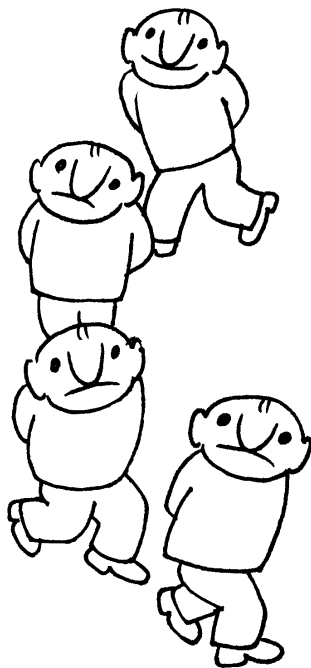
От реанимации до морга
Вытянут больничный коридор...
Жизнь не может быть предметом торга,
Но о том – отдельный разговор.
Ночь, июль, пришла макушка лета,
Пулеметной трассой сигарета
Прочертила темный, сонный двор!

Это небо цвета черничного,
В двух шагах не видать ни шиша,
Из окна туалета больничного
Как московская ночь хороша!

И стою я с дурацкой усмешкою –
В голове от сорбитов свербит,
А внизу в темноте кромешной
Неизбывная жизнь кипит.

То в ангаре – компрессора тиканье:
Кислород готовят к утру,
То под кленом девичье хихиканье –
Кто-то тискает медсестру...

Надо жизнь эту выпить до донышка,
Утопая в желаньях греховных,
Жизнь не станет предметом торга,
Пусть восходит ясное солнышко
На крутых куполах церковных
И коралловых стенах морга!

КРУГ

Замкнётся круг, замкнётся круг,
Тебя предаст твой лучший друг,
И скажет женщина, что мир с тобою тесен,
А если так, а если так,
Тогда всему цена пятак,
И этот мир не стоит строчки наших песен.

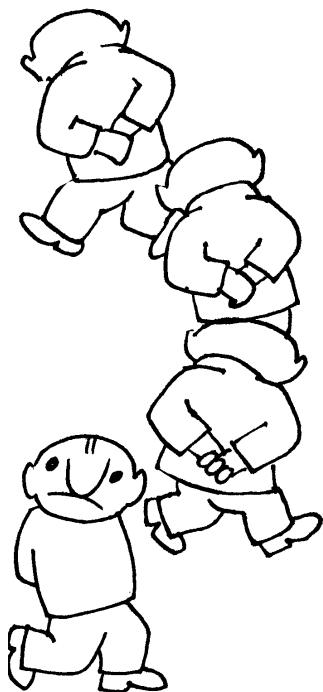
Так что, браток, так что, браток,
Неужто дулом ткнёшь в висок,
И всё пусть катится тогда к едрёной маме,
И оборвётся жизни нить,
За то, что нам противно мстить
И бить вподдых – и сапогами, и словами.

Всё это дурь, всё это дурь,
Очнётся друг, бровей не хмурь,
И не сошёл клином свет на этой юбке –
Держись и будь самим собой,
Пускай стреляется другой,
Когда она капризно дует свои губки!

Вот так-то, брат, вот так-то, брат,
Никто ни в чём не виноват,
А что случилось, то, увы, уже случилось,
Не важно, как и почему –
Не плачь в жилетку никому,
И не держи надежды на чужую милость!

Иди вперёд, иди вперёд,
Пускай, кто хочет, разберёт,
И через сотню лет по полкам всё разложит,
Он не поймёт, смешной чудак,
Он не поймёт, зачем и как
Мы в наше время напрочь лезли вон из кожи.

Но если вдруг замкнётся круг,
Его покинет лучший друг
И скажет женщина, что мир с ним сер и тесен,
И он поймёт, что если так,
Тогда всему цена пятак,
И этот мир не стоит строчки новых песен!

ДИЕТИЧЕСКОЕ

(любительницам здорового образа жизни)

Во времена крутого урбанизма,
Дабы не сбиться с верного пути
И уберечь родные организмы,
Необходимо правила блюсти:

Диета, промывания и клизмы,
А так же изнурять себя постом.
Ведь главное – прочистить организмы,
А остальное – как-нибудь потом.

Не всё полезно то, что в рот полезло,
Надёжней – как коза, траву жевать:
В ботве свекольной магний и железо,
А это же такая благодать!

Необходима сауна, конечно –
Дышите кожей, а не только ртом,
Очистясь внутремышечно и внешне,
А остальные мелочи – потом.

Табак и кофе – страшная зараза,
Смертельный яд для органов они,
Коньяк и страсти – для здоровья разве,
Но по чуть-чуть и в праздничные дни.

Для духа потребляйте сериалы,
От стрессов упасёт белиберда –
И, главное, чтоб вас не волновало
Ни «что», ни «где», ни «как» и ни «когда».

Такую жизнь не жаль отдать отчизне,
Коль места нет ни страсти, ни гульбе...
Любить себя безумно в этой жизни
Полезнее, чем жизнь любить в себе!

ЧУДЕСА В РЕШЕТЕ (любительницам астрологии)

Век тяжёлый – трудно без обмана,
И сума возможна, и тюрьма,
В моде гороскопы, талисманы,
Ясновидцы, ведьмы и шаманы,
Прочие духовные дурманы –
Это всё от скудости ума...

Зубы сточишь – грызть гранит науки,
Набираться знаний и идей,
На хрена терпеть нам эти муки –
Лучше мы засунем руки в брюки,
У судьбы возьмёт нас на поруки,
Жить научит маг и чародей.

И с экрана нам вещает Глоба:
Раком, мол, поставлен Козерог,
Что сулит нам разные хворобы –
Для души, а также для утробы,
Жулик ведь, мошенник высшей пробы,
А для стада он и царь и бог!

Впрочем, есть лазейка в гороскопе –
Маг подводит радостный итог,
Всё ему видать, как в микроскопе:
Всем нам и в России, и в Европе,
У кого есть родинка на попе,
Принесёт удачу Козерог!

И тотчас же радостное стадо,
Дабы не профукать благодать,
Перед зеркалом виляет задом:
Разве можно упустить отраду,
Если только-то всего и надо,
Что на попе родинку сыскать.

Верьте, если любо, ради бога,
Ну, а я святую красоту
Истины познать мечтаю строго,
Хоть не сразу всю, хоть понемногу,
И, нелёжкой следуя дорогой,
Обхожу шамана за версту!

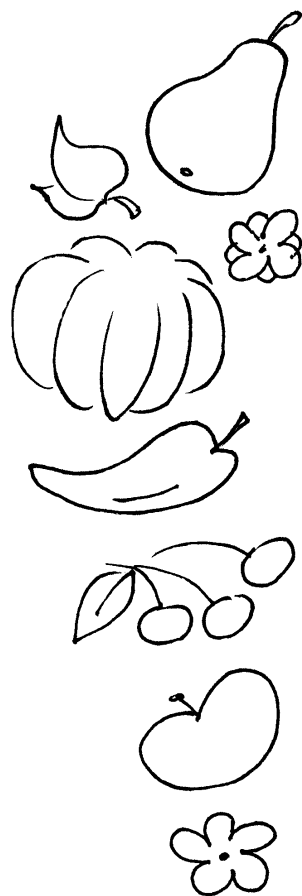
САДОВООГОРОДНОЕ

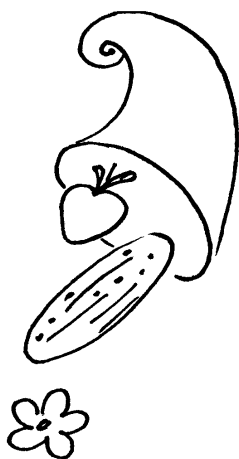
Когда-нибудь несчастная,
Страна моя прекрасная
Добрее станет, ласковей,
Трезвее, а пока
Занятие народное,
Садово-огородное,
Придумала нам партия
И ленинский ЦК.

И наши дядьки с тётками
Очаровались сотками,
И будущих помещиков
Манит начать с нуля
Профкомами добытая,
Кочкарником покрытая,
И Богом, блин, забытая
Российская земля!

Житуха хреноватая,
Деньгами небогатая,
Но хватит собраниловки:
И года не пройдёт,
Как вдруг из старых ящиков
И дров, из леса стаченных,
Фазенда кривобокая
Над кочками встаёт.

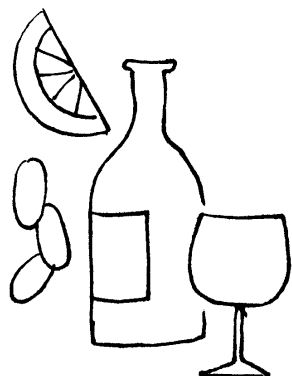
За ржавой сеткой «рабица»
Растёт все, кучерявится:
Клубника и смородина,
Ревень и патиссон,
И перцы, и физалисы,
И помидорчик налился,
Лучок, чеснок, редисочка
И прочий закусон!

Как нам немного надобно –
Щелястая халабуда,
И, зад под солнце выставив,
Лопатить пятак.
В итоге же финальная
Бутылка самопальная
И стопка поминальная
Под собственный лучок!

Когда-нибудь несчастная,
Страна моя прекрасная
Добрее станет, ласковей,
Трезвее, а пока –
Занятие народное,
Садово-огородное
И скука безысходная
Под запах чеснока!

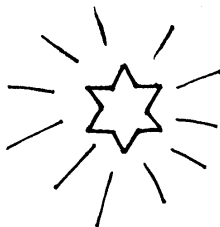

СЫНУ

Не вешай нос, как паруса при штиле,
Без паники встречая шквал любой,
И, сколько б волны по борту не били,
Держи свой курс и будь самим собой.

Все неизбежно: горести и боли,
Паскудные ухмылки злобных рыл,
Но если руки и мозги в мозолях,
То это значит – правильно ты жил!

Умей звезду увидеть из колодца,
Стоять за правду до последних сил,
И если что-то людям остаётся
После тебя – ты не напрасно жил!

ЕСЛИ ВДРУГ

Умоляла женщина со сцены
Чувственным полуоткрытым ртом,
Чтобы добрым был я и смиренным,
Положась на Господа во всём.

Умоляла, звала, заклинала:
«Положись повсюду и во всём!»
В темноте притихнувшего зала
Слушал я и думал о своём.

Да, я не смиренен, ну так что же?
Злобы не питаю и к врагу,
Под любую заповедью Божьей
Подписаться сорок раз могу.

Я не торговал душой и лирой,
С самых юных лет и до сих пор
Не предал, не сотворил кумира
И осла у ближнего не спёр.

А когда совсем бывало туго,
И когда беда теснила грудь,
Полагался я на руку Друга,
А не на Всевышнего, отнюдь.

Если ж вдруг с тупой косою стерва
Подберёт мне новое жильё,
Поезжайте, братцы, в «сорок первый»,
Чтоб обмыть ушествоие моё.

Знаю точно: рай мне не обещан,
Да и у меня он не в цене –
Звон стаканов, песни, шёпот женщин
Пусть звучат на память обо мне.

Чокайтесь, гуляйте, песни пойте,
Улыбайтесь, сколько хватит сил,
Слёз – не надо. Помните: покойный
Этого ужасно не любил!

И уж если не случилось, братцы,
С вами погудеть мне в этот раз,
Бог позволит мне полюбоваться
На весёлых и поющих вас.

Ада вовсе не боюсь, поверьте,
Я при жизни ко всему привык,
Вот взгляну – и пусть приходят черти,
Чтобы стряпать из меня шашлык!

КОРОТЫШКИ

По утрам меня будит мучитель,
Как хотелось бы мне, что б он знал,
Что поспать я – отнюдь не любитель,
А матерый профессионал.

* * *

Мы спокойно вкушаем до первой звезды,
И три звездочки нам не беда –
Аппетит к нам приходит во время еды,
Что б остаться при нас навсегда.

* * *

Как панацея от различных бед
Известно миру огненное зелье...
Наверное бы спился белый свет,
Когда б на свете не было похмелья!

* * *

Любил бы от зари и до зари –
Мне все едино: дамы и девицы...
Но с каждым годом, что ни говори,
Все явственнее боли в пояснице.

* * *

Светланин муж измены не заметит:
Блажен, кто с Верою, а мне тепло на Свете!

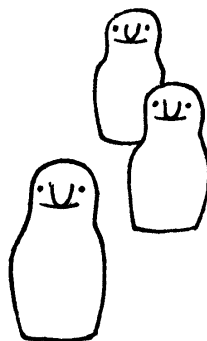
* * *

То ли сдуру, то ли же по пьянке
Наш парламент рекомендовал,
Что б железный Феликс на Лубянке
Словно кол осиновый стоял?

Объяснение есть всему, однако,
И весьма понятна эта пруть:
Очень бы хотелось коммунакам
Вновь на кол Россию посадить!

СПЯЩАЯ КРАСАВИЦА

Прекрасна ты во сне, хоть не буди...
Вся в облаке волос, лесная дремлет фея.
Я так хочу тебя... прижать к груди.
Увы, тебе милей объятия Морфея!

КАРДИОЛОГИНЕ

Больница – это вечное страдание
С кардиограммой, капельницей, кашами,
Но, видит бог, само очарование
Заведует сердцами нашими.

Хоть в этом есть и минус, без сомнения –
Убийственны нам зрелища такие:
Пройдёт на стройных ножках отделением –
У всех тахикардия с аритмией!

ПЕРСОНАЛОЧКИ

БЕРЕЗОВСКИЙ

Богат и славен –
Хучь убей!

ЕЛЬЦЫН

Борис, Борис,
Всё пред тобой,
Но – не уходишь...

ПРИМАКОВ

Россия, правил где Евгений,
Была прелестный уголок...

БАСАЕВ

Тень Грозного меня обогатила...

МЭРСКОЕ ИСКУССТВО

Манеж нам перестроил мэр Лужков
В эстетике шпаны из Кожушков,
В эстетике, которой Церетели
Милее, чем Роден и Боттичелли!

ДЕЛИКАТЕСЫ

Ох, гурманы у власти похлеще московского старого барина,
Я изысканней блюда нигде не встречал ещё в мире:
Отбивной олигарх в компромате кипящем обжаренный,
А приправой – чеченец, мочёный в пикантном сортире!

НЕЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ МОНОЛОГИ СУКИНЫХ СЫНОВ

*Суфовый у природы есть закон
И как бы ни хотелось жить иначе,
Но если ты от суки был рождён,
То будешь жить и плавать по собачьи.*

Старинная собачья мудрость

ОВЧАРКА У КОЛЮЧЕЙ ПРОВОЛКИ

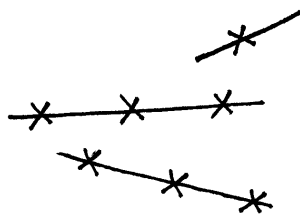
Овец, признаться, не видал я сроду,
Но со щенков в меня вложила мать
Восточно-европейскую породу:
Догнать, свалить и в клочья разорвать.

Всю жизнь служу у проволоки колючей –
С хозяином мы стадо стережём,
Он кормит меня супом, водит сучек
И балует за службу сахарком.

О, это стадо – серые бушлаты!
Им супчик мой за счастье, почитай...
Но что поделать, сами виноваты:
Не слушался хозяев – отвечай!

Порядок здешний обеспечен страхом,
А вздумают бежать – совсем беда:
Догоним и собьём единым махом,
И мало не покажется тогда...

Недаром здесь прошли мы все науки,
И знаем своё дело без затей...
И всё-таки, какие ж люди суки,
Коль учат нас охоте на людей!

СТАФФОРДШИР У РИНГА

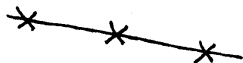
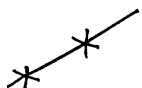
Я не знаю, отчего я злобный,
Впрочем, как и вся моя родня,
Зверь не должен рвать себе подобных,
Для чего же вывели меня?

Я гляжу на мир мрачнее тучи,
Ненависть к собратьям затая,
То, что для других – несчастный случай,
Для меня – профессия моя!

Мужиков откормленные рожи
И восторга полный бабий крик –
Вовсе на собачий непохожий,
Мерзкий, страшный человеческий лик!

Ради них тяжёлыми клыками
Я крушу матёрых кобелей,
Ну, а после мучаюсь ночами
И таю обиду на людей.

Но зато, зализывая раны,
Наконец, я понял, что к чему:
Вывел человек меня поганый
Точно по подобию своему!

КУРЦХААР У ДЖИПА

Легавый я, горжусь своей роднёю,
Древнее рейнских вин мой гордый род,
И грязною побасенкой блатною
Нас не унизит уголовный сброд.

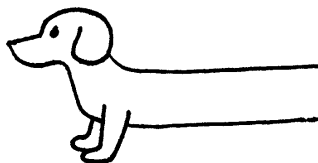
Хозяин мой понятия не имеет
Ни об охоте, ни о чём другом,
На жирных пальцах – перстни, а на шее –
Точь в точь золотая цепь на дубе том.

В тирольской шляпе, в джипе «Гран Чероки»,
Три тыщи баксов – каждое ружьё,
Он всем – и мною! – тешит, недалёкий,
Плебейское тщеславие своё.

А если выезжаем на охоту,
Опять балдёж, коньяк и бабий визг,
Ну, что же это утром за работа,
Коль вечером стрелок набрался вдрызг!

Опять ему я поднял перепёлку,
Ну, как на блюде – прямо под прицел,
Но он своею фирменной двустволкой
Промазать с десяти шагов сумел.

Видать, не в джипе дело и не в шляпе,
Не в тусклом блеске фирменных стволов...
Теперь опять домой и лопать «Чаппи»,
А мне бы так хотелось потрошков!

ТАКСА У ИСКУССТВЕННОЙ НОРЫ

Лисьему киллеру Варягу и его хозяйке

Я рвусь в погоню на коротких лапах,
Нора тесна, но я иду вперёд,
И нестерпимо смрадный лисий запах
Наркотиком по нервам моим бьёт.

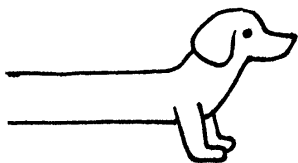
От ярости дыхание даже спёрло,
Заклятый враг укрылся в глубине:
Укутанное шерстью лисье горло –
И больше ничего не надо мне!

Навстречу зубы скалит он из мрака,
Но что мне его яростный оскал?
Я рвал енотовидную собаку,
И барсука и кабана хватал,

Но, шкуру свою рыжую спасая,
Он рвётся в бой, и он на всё готов –
Прыжок, захват... И плоть его тугая
Дрожит, как птица, меж моих клыков.

О, миг блаженства без конца и края
И судорога сладкая в спине!
Но эти люди крышку поднимают,
И палкой зубы разжимают мне...

Диплом, медаль, «Роял Кинин» две пайки,
Восторженные вздохи «Ох!» и «Ах!»
Раздувшейся от гордости хозяйки...
И сладкий привкус крови на губах.

ИЗ СБОРНИКА «ПОЛНЫЙ ВПЕРЁД»

ЗЕМНОВОДНОЕ (памяти Андрея Кулагина)

*Лучше гор может быть только море,
На котором еще не нырял!*

Альпинисты влюбляются в склоны,
А туристы – в леса и долины...
Мы тяжелые кинем за спину баллоны
И уйдем в голубые глубины!

Не нужны нам с тобой перевалы, привалы,
Ни к чему ледники и отроги,
Поломаешь там ноги и руки, пожалуй,
Или к морю не сыщешь дороги.

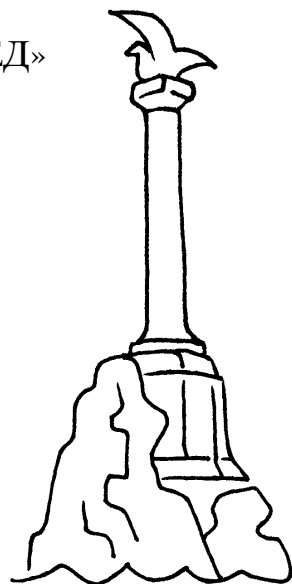
К морю, к морю, к родимой стихии,
К ней навек приросли наши души,
Мы с тобой, акванавт, по прописке земные,
А по жизни мы гости на суше!

Очень быстро кончается сказка –
Измеряется счастье баллоном,
И всегда мы снимаем и ласты и маску,
Возвращаясь к начальству и женам.

Так растут и стареют мальчишки,
Оставляя сердца свои в море,
Потому, что покамест живет в детской книжке
Наш профессор и друг Сальваторе!

Он придет и решение отыщет,
И поставит он опыты храбро,
И тогда мы с тобою, мой верный дружище,
Наши легкие сменим на жабры.

И навек распрощаемся с сушей,
И тяжелые скинув скафандры,
И, продавши Нептуну бессмертную душу,
На глубины уйдут ихтиандры.!

СЕВАСТОПОЛЬСКИЙ ВАЛЬС

*Петербуржским черноморцам – Боре Фишману и Вите Гулько.
На трафарете всех автобусов №5 в Севастополе
написано «Пл. Нахимова – Хер.Музей»*

У меня для друзей
Всякие припевочки:
Хер. Музей, Хер. Музей,
Солнце, море, девочки!

Времена вспоминаю советские,
Севастопольский жаркий июль,
По-над бухтою Херсонесскою
Нас ведет комсомольский патруль!

Ох, не вей, ты, не вей,
Злобный ветер с севера,
Хер.музей, Хер.музей –
Только волны веером!

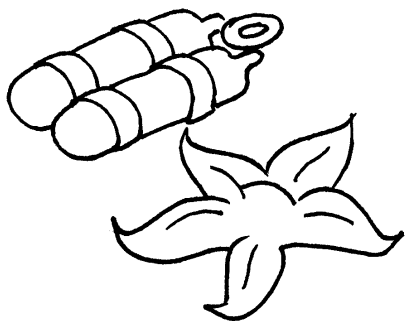
В наше время считался б деревню,
В поперечнике – тыща шагов,
Но блудили гречаночки древние,
Здесь в течение многих веков,

И дождались князей,
Солнышка-Владимира:
И пропал Хер.музей,
Сколько греков вымерло!

Серый хлеб с барабулей для полдника,
Запиваем вином виноград,
В орудийном заброшенном погребе –
Мы с Витюхой и пара девчат.

Он хохол, я еврей,
Но нам – ноль внимания:
Хер.музей, Хер.музей –
Теплая компания!

День рождения Витюхиной Галочки –
Не беда, что вино не старо,
Но на закус – не крабные палочки,
А камях настоящих ведро!

Нет твоей, нет моей –
Тело с телом слилися,
Хер.музей, Хер.музей –
Все мы породнились.

Тут случилось – причина избитая,
С «Новосветского», зная, развезло:
Инга с Галкою – Афродитами
Скок на камень – и грудь наголо!

А патруль – шасть в музей
По такому случаю.
Ох, у этих людей
Все ж натура сучая!

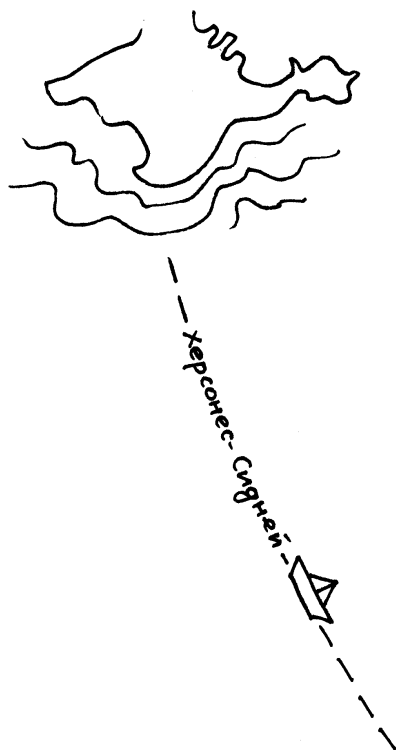
За буржуйские нравы пеняли нам,
За растление трудящихся масс...
Вспоминаешь ли, Инга, в Австралии
Тот крутой Севастопольский вальс?

Здесь теперь нет друзей,
Мы – кацапы с Севера,
Самостийный музей
Держит пальцы веером!

Полька страстная – Инга Антоновна
Как вам дышится в зимнем саду?
Тут видался с Галиной Семеновной:
Закопали Витька в том году...

И пошли в Хер.музей
Чрез десятилетия
Двое старых друзей
Помянули третьего.

Он хохол, я еврей,
Только ноль внимания –
Где ж ты, мой Хер.музей?
Кончилась компания!

РАЗДЕТЫЕ КАМНЕМ.

Надоели мне до черта
Эти крымские курорты,
Переполненные потною толпой,
Но запомнен будет нами
Фиолентский черный камень,
Черный камень над кипящею водой.

Целый день здесь солнце шпарит –
Хоть блины на скалах жарить!
Целый день не умолкающий прибой
Обнимает в иступленьи
Эти черные камни,
Грубо треплет их тяжелою волной.

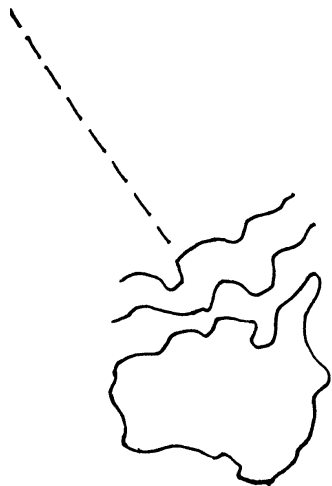
Нас с тобою только двое
В бухте заперты прибоем –
Будем ждать, покуда ветер не утих.
Забираемся на скалы,
Ничего, что места мало,
Нам его вполне хватает на двоих.

Здесь по старым водостокам
Шелестят стручки жестоко,
А нам кажется, что это камнепад,
И от той беды с испугу,
Ближе жмемся мы друг к другу,
Ближе – это безопасней, говорят!

Зверь-прибой нам ноги лижет,
Ляг ко мне еще поближе,
Пусть опасно, но зато какой момент!
Обнимаю в нетерпенье
Загорелые колени,
Так, как море обнимает Фиолент!

Нас качает, нас качает,
Только мы не замечаем
Ни прибоя, ни щебенки под собой.
На обед – любовь без хлеба,
А на ужин только небо
И любовь, и упоение тобой!

Надоели мне до черта
Эти крымские курорты,
Переполненные потною толпой,
Но запомнен будет нами
Фиолентский черный камень,
Черный камень и свод неба голубой.

МООНЗУНДСКАЯ СЛАВА.

Бьет Балтийское море
В борт свинцовой волной...
Может, завтрашней зори
Нам не слышать с тобой,

И останется грозный
И тревожный мотив
Нашей песни матросской
Про коварный пролив.

Враг и слева и справа,
Головы не поднять,
Но идет наша «Слава»
На проливах стоять!

Это наша застава
И рубеж роковой,
Это родину «Слава»
Заслоняет собой!

Комендоры лихие
У орудий своих,
А за ними – Россия,
А не просто пролив.

И в парадных мундирах,
Как в Чесму и Гангут,
Нас отцы-командиры
К вечной славе ведут.

То не грозные тигры
Над волнами ревут,
Это главным калибром
Пушки славные бьют,

И в тельняшках кровавых,
По мужицки крепки,
Умирают со славой
На постах моряки!

Вот о чем мы наемни
Толковали с тобой,
Вот и стал он последним –
Этот завтрашний бой.

И погосты родные
Больше жизни любя,
Нашей «Славой», Россия,
Мы закрыли тебя!

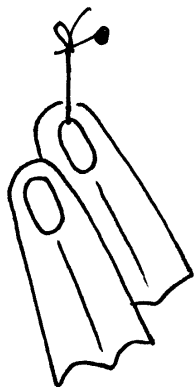
МАТРОССКАЯ ПЕХОТА

Для нас война не подвиг, а тяжелая работа,
А воевать на суше нам вдвое тяжелей,
Но нас определили в матросскую пехоту:
Нам просто не хватило на флоте кораблей.

Сегодня далеко мы от моря и от дома
В заснеженных окопах под самою Москвой,
Но паруса победы фрегатов Ушакова,
Как ангельские крылья, за нашею спиной.

На снег шинельку скинешь и ворот нараспашку –
По бурунам-сугробам вперед, Балтийский флот!
И пусть в штаны наложит, увидевши тельняшки,
Прошедший пол-Европы хваленый этот сброд!

Нам всем всего по двадцать, и очень неохота
На этой мерзлой суше мальчишкам умирать,
Но если нас назвали матросскою пехотой,
То это значит – насмерть приказано стоять!

ПОТЕРЯННАЯ НАХОДКА

Я ласты гвоздем прибиваю к стене,
И в пыльной квартире все чудится мне
Японское море при полной луне
И сизые рыбы в глухой глубине,
И шелест прилива в ночной тишине,
И парус, несущийся в дальние страны,
Девчонка нахальная в тельнике драном,
И волосы, пахнущие океаном,
И звездное небо в усталых глазах,
И хрусткий песок на горячих губах,
И тело упругое, как волна –
И все, что мне море дарило сполна!

ОКЕАН

Игорю и морю

В долгий путь последний проводил я друга,
Не уменьшат горя быстрые года,
Я один старею, без него мне тужу,
Молодым остался друг мой навсегда.

Словно волны ветер, время годы гонит,
И седые гривы треплет злой циклон,
Чудится мне голос друга в телефоне,
Каждой ночью снится тот же самый сон:

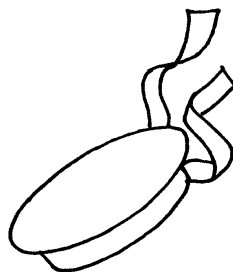
По жемчужной глади – сизые дельфины,
Над лиловой бухтой – розовый туман,
Манит нас обоих в черные глубины
Золотою рыбкой серый океан.

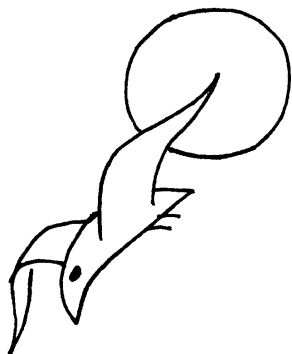
Пузырьки над шлемом хороводы водят,
Наверху гоняет волны ураган,
Но внизу спокоен при любой погоде
Мудрый и великий, грозный океан!

За спиной остались служба, бабы, водка,
Суета, похмелье, подлость и обман,
На рассвете синем встретит нас Находка
И товарищ верный – старый океан.

Кто-то там на лыжах по Таймырам чешет
Или по Памирам скачет, как баран,
Ну, а нас с тобою, радостных и грешных,
Ждал в своих глубинах добрый океан.

И когда в последний путь меня проводят,
С погребальным тостом осушив стакан,
Вздвогнув от цунами, утром на восходе,
Примет мою душу вечный океан.

ДЕТСКАЯ МОРСКАЯ МЕЧТА СУХОПУТНОЙ КРЫСЫ

Я не люблю, что слово «честь» забыто...

Ах, какие виделись мне дали
И шторма ночные при луне...
В мерзлом, сухопутном Предуралье
Я мечтал о голубой волне,

Снились перуанские закаты,
Острова зеленою грядой,
Стройные, как девушки, фрегаты
Над кипящей пенной бирюзой.

Я себя не представлял пиратом,
И, встречая налетевший шквал,
На скрипящем мостике фрегата
В сюртуке застегнутом стоял.

Не корсары и не флибустьеры,
Ражие в попойках и в бою –
Верные присяге офицеры
Славу, флот, составили твою!

Час урочный, отзвенели склянки,
Змеем флаг завился за кормой,
И, как пена белые, голландки
Вдоль по борту вытянулись в строй.

Паруса багровы от заката,
Свежий ветер с норда, якорь чист,
И скажу я: «Молодцы, ребята!
По местам! Играй отход, горнист!»

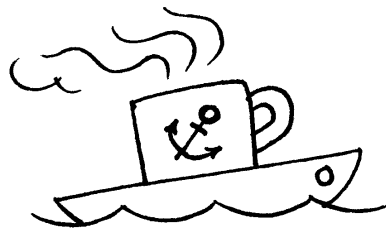
Выгнут груди стакселя тугие,
Струнным басом ванты загудят,
Словно черти, пляшут марсовые,
И впередсмотрящие не спят!

И отыщут раньше или позже
Посреди морей тебя, пират,
И скукожится «Веселый Роджер»,
Схлопотавши огненный заряд ...

А на весте догорает вечер,
Как пиратский догорел корвет,
И привычно давит честь на плечи
Золотом тяжелых эполет.

К ЧЁРТУ НА РОГА

Белые голландки, чистые тельняшки,
За кормой остались родина и дом,
Заслонясь от смерти тонкою броняшкой,
Тральщик вместе с морем ходит ходуном.

Там без нас скучают мамы да подружки,
Что ж теперь поделать – Родина велит!
Выпьем за семь футов из казённой кружки,
Чтобы не заметил сука-замполит.

Под волной таится злобный чёрт рогатый,
Кто придумал, будто жизнь не дорога?
Нам приказ осталось выполнить, ребята –
Родина послала к чёрту на рога.

Полетит в Россию грустная депеша,
Что случилась в море чёрная беда,
На рога мы сели возле Бангладеша
И ушли к Нептуну раз и навсегда.

Тут завоют в голос мамы да подружки,
Папам нашим горе души опалит,
Всех они помянут из домашней кружки –
Все теперь едины, мы и замполит!

УХОДИМ

Мальчишкам с «Курска»

На рубке, на мачте, усах и ресницах
Серебряный иней залёт поутру,
А в тесном отсеке всё будет мне сниться
Твой синий платочек на невском ветру,

Твой ласковый голос и тёплые руки,
Следы на песке твоих маленьких ног..
У вас наверху – две недели разлуки,
А что будет с нами – не ведает бог.

Здесь вам не ущелья, не горные кручи –
Холодная бездна и вечный покой,
Но нету под солнцем надёжней и лучше
Шторами просоленной дружбы морской.

Задраено солнце за крепкие люки,
Мы входим к Нептуну на мрачный порог..
У вас наверху – две недели разлуки,
А что будет с нами – не ведает бог.

Мы горы грехов накопили на суше,
Нам выпал расклад: то гульба, то пальба –
Никола-угодник, спаси наши души,
Коль грешное тело спасти не судьба.

Наверх не дойдут ни молитвы, ни звуки,
В безмолвии море подводит итог,
У вас наверху – две недели разлуки,
А что стало с нами – не ведает бог!

КУРСКОЕ

Ветер маршем траурным стонет,
Вопли чаек – как крик воронья...
Вместе с лодкой Россия тонет
В омерзительном море вранья.

На душе и на сердце осень,
Каждый тщится урвать свой куш,
И один лишь Высоцкий просит
О спасении наших душ.

Чтобы кто-то спас от напасти,
От жлобства и от пьянства спас,
Чтоб мы были достойны власти
Лучше той, какая у нас!

Только помощь всё не приходит,
И всё ближе последний час...
Зря срывает горло Володя,
Кто же нас спасёт кроме нас?

Волны бесятся штормовые,
И от ужаса дух затая,
Смотрит мир, как тонет Россия
Вместе с лодкой в море вранья.

НОЧЬ

Саше Сафронову и Володе Тутику

До Босфора и так далее
Курс на Запад намечается,
На ремонт идем в Италию,
Только палуба качается.

Ночь-брюнетка, девка смуглая.
Звезды в небе папиросками,
А Луна такая круглая,
А Земля – такая плоская.

Море Черное безбрежное,
Как планида наша флотская,
А волна такая нежная,
А судьба – такая жесткая.

Научусь и без пол-литра я
Понимать судьбы чудачества:
Это злость такая хитрая,
А любовь – дурная начисто!

Мудрость пыльная, старинная
В ухо шепчет мне украдкою:
«Это ночь такая длинная,
Ну, а жизнь – такая краткая!»

Приласкай нас, ночка смуглая,
Чтобы не напился в доску я...
А Луна такая круглая,
А вода такая плоская!

ЗВЕЗДА НАД ПРИЧАЛАМИ

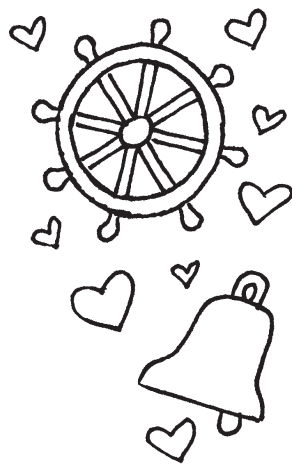
Там, где край земли, ходят корабли,
Между льдами большими и малыми,
И далёко дом, и подруга в нём,
И звезда моя над причалами!

Третий день шторма, волны, как дома,
Ветер рвёт паруса, как кинжалами,
Но идём туда, где горит звезда,
Где моя звезда над причалами!

От морских дорог я насквозь продрог,
Руки до крови содраны фалами,
Но дойду, найду я свою звезду,
Я свою звезду над причалами,

Где огонь в печи, где меня в ночи
Ждут и шепчут губами усталыми:
Воротись живой, воротись домой,
Где твоя звезда над причалами!

И хотя устал я держать штурвал,
Верным курсом иду между скалами,
Ты дожись моя ненаглядная,
Ты звезда моя над причалами!

ИЗ АЛЬБОМА «ПРОНИКНОВЕНИЕ»

Василию Ленивкину

ПЕРЕКРЁСТОК ПРОСТРАНСТВ

Шуршат, шуршат полотна, словно листья,
Живёт под пенье златострунных лир,
На простынях холстов зачатый кистью,
Иной, нездешний, виртуальный мир.

В тот странный мир полуоткрыта дверца
И кисть трепещет с сердцем в резонанс –
С обычным, тёплым человеческим сердцем
На перекрёстке двух гиперпространств.

НЕПОНЯТНАЯ КАРТИНА

Мазок бирюзовый на сером холсте,
И ржавчина сепии с чёрным разводом,
Потёки воды на гнилой бересте,
Возможно, не поняты будут народом.
Что ж делать, наверно, ему не помочь,
Не мне разбудить эту сонную заводь,
Не мне осветить эту тёмную ночь,
Где с компасом сердца приходится плавать...
Но ржавая прель подмосковных берёз,
И серость позёмки в февральский мороз,
И радуги ярь, и небес бирюза,
И множества солнц огнеликие слитки,
И счастье, что мимо промчалась гроза,
И воздух, пронзённый мелодией Шнитке –
Всё это со мной и сейчас и потом,
И как объяснить мне простыми словами
Всю радость и боль перед грубым холстом,
Обычным холстом с голубыми мазками!

ЧЕРНАЯ ОСЕНЬ

Промозглый туман над болотами кружится,
И серая изморось сыплет с небес,
А завтра в хрусталь приоденутся лужицы,
И в миг поседеет прогнозливый лес.

По кочкам танцуют кикиморы-дурочки,
И леший в осиннике скис и зачах,
А завтра в жемчужной короне Снегурочка
В обнимку с Морозом промчится в сани.

Но все это завтра: и снега и просини,
И тройки разбег, и тепло Рождества,
А нынче прощаемся с черною осенью –
Сегодня вершина ее торжества.

Свинцовая мгла разлилась над полянами,
Простуженный лес придавив до утра,
Испуганный леший с улыбкою пьяною
Глядит на морковные блики костра.

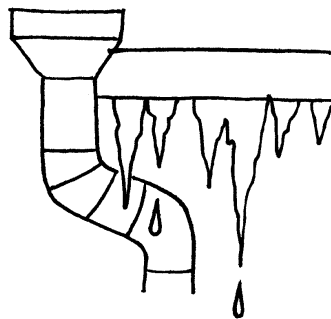
И слушает чутко, как глушью безлунною,
Всю ночь напролет без покоя и сна
Гитара хрипит отсыревшими струнами
О том, что на свете бывает весна.

РЕКВИЕМ БАБЬЕМУ ЛЕТУ

Надвинулись злые циклоны,
Весь лес пожелтел и зачах
И лето скатилось со склона
На солнечных тонких лучах,

И капли шальные как пули
С утра барабанят в стекло,
И ветры с норд-оста задули,
И дамское лето ушло.

Но дружбой мужскою согрето
И жаркою лаской подруг,
В душе продолжается лето,
Хотя уже осень вокруг!

КРЕЩЕНСКАЯ КАПЕЛЬ

Крещенская капель,
Распутство на дворе,
Не всякий год апрель
Бывает в январе.

Все рады, что опять
Проснулся черный лес,
И нечего гадать,
Куда мороз исчез.

В кладовку лыжи сунь,
Байдарку расчехли,
Нето придет июнь,
Минуя феввали.

И стужу сменит зной,
И снег пройдет дождем,
И жаркою зимой
Мы Клязьмой поплывем.

Крещенская капель,
Распутство на дворе,
В змеиный год апрель
Случился в январе.

ПЕСНЯ КОРОСТЕЛЯ

Р.П. от Ч.П.

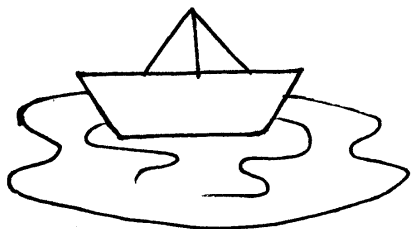
День закончится ласковым вечером,
И на землю сойдет забытье,
Положи-ка головку на плечи мне,
Длинноногое счастье мое.

И не мучся пустыми вопросами –
Это лето нам стелит постель,
Над лугами, над сизыми росами:
«Спать пора!», – нам поет коростель.

То что будет – ещё за туманами:
Коростель, вороньё, соловьи...
И целую безумно желанные
Неумелые губы твои.

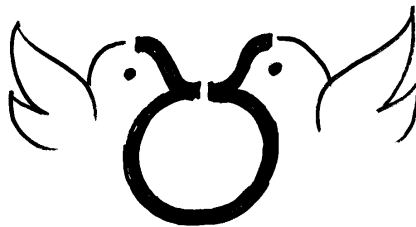
Мы глупы, как любые влюбленные –
Не страшны ни беда, ни гроза...
И твои бесконечно зеленые,
Как неспелый крыжовник, глаза!

1960 г.

О ПОЛЬЗЕ ВОДКИ И СДОБНЫХ ЖЕНЩИН

Пост настал, и мне немного грустно...
 Видит Бог, причина – не еда:
 Закусил грибами и капустой,
 Вот и все, какая в том беда?
 Знаю я, зарыта где собака,
 И спешу у Господа спросить:
 Можно ль человеку в пост, однако,
 Пить вино и женщину любить?
 И ответил он мне очень строго, –
 «Я прошу тебя лишь об одном:
 Только постных женщин ты не трогай
 И пасхальным не хмелись вином!»
 Он меня обрадовал, конечно,
 И я тут же дал ему обет,
 Что отныне буду я и вечно
 Этот мудрый исполнять завет.

ФЕВРАЛЬСКАЯ ПРОБЛЕМА

Гонит ветер снег заиндевелый,
 Не даёт ответа на вопрос:
 Отчего же в этот месяц белый
 Так процент родившихся подрос?

Два плюс три – и будет пять в ответе,
 Почему сей месяц плодovit:
 В феврале родившиеся дети –
 Это дети мая и любви.

Май – проказник юный и шkodливый,
 Всё ещё доступно и легко:
 Хочешь счастья – так и будь счастливым,
 Не вникай, не думай глубоко!

А потом до смерти будут сниться
 Над рекой черёмухи пурга,
 Золотых волос её пшеница,
 Жаркий шёпот, стройная нога...

Всё прошедший, одного желаю:
 Да пребудут вечно на земле
 Жаркая любовь зелёным маем
 И детишки в белом феврале!

КАМЫШИ

Камыши кругом, камыши,
Ни души кругом, ни души...
Не ветра шуршат в камышах –
Это шепчет моя душа:

Камыши кругом, камыши,
Поспеси любить, поспеси,
В шумной зелени камыша
До чего же ты хороша!

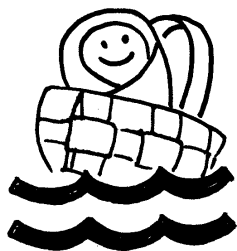
Слушай шепот моей души:
Согреши со мной, согреши,
Пошли со мной в камышах,
Шкуркой шелковой шурша,

Пошли со мной в камышах,
А не то мне не жизнь, а швах...
Шорох волн в камышах прошел,
Хорошо тебе, хорошо?

Тишина, отшумел камыш,
На плече ты моем сопишь,
И поет бесшумно душа –
До чего же жизнь хороша!

Спи, шалунья моя, нагишом,
Мы храним тебя с камышом,
И про шорох наш в камышах
Ни одна не узнает душа!

Камыши кругом, камыши
Ни души кругом, ни души...

КАК ПОДОБАЕТ МУЖИКАМ

Толе Шипилину

Старый дуб с растерзанною кроною,
Бронза ржавых листьев меж ветвей...
Были же когда-то мы зелёными
В беспробудной юности своей.

Знали эту жизнь не по картинке мы,
Как могли, тянулись к облакам,
Увлекались тонкими рябинками,
Что мечтали перебраться к нам.

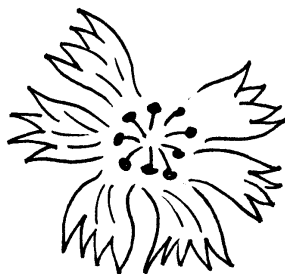
Ничего для жизни не жалели мы:
По снегам, по грязи, по пыли,
Битые штормами и метелями,
Гордо свои кроны мы несли.

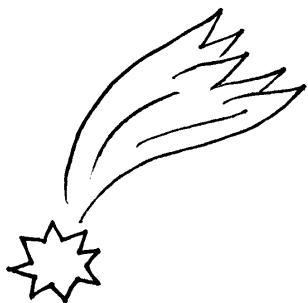
Горько удивлялись новой молодости
И понять порою не могли,
Почему иные наши жёлуди
Беленой, дурманом проросли.

Всё прошло, и вот мы стали старыми –
То спина заносит, то нога,
И метёт московскими бульварами
Бронзовая ржавая пурга.

Уж какие нынче трали с Валями –
Всё исчезло в сумрачной дали,
Всё, что в этой жизни напахали мы,
Всё, что пуще глаза берегли.

Но, стремясь натруженными спинами
Подсобить слабейшим корням,
Мы уйдём не старыми дубинами,
А как подобает мужикам.

ХВОСТАТАЯ ЗВЕЗДА

Горит хвостатая звезда,
Я знаю древнее поверье:
Когда беда стоит у двери
Иерусалима или Твери,
Она является всегда!

Твой мрачный свет людей пугал,
И рабству крах неоспоримый,
Восставши на гордыню Рима,
Ударив в сердце, а не мимо,
Приносит полудикий галл.

Вот, скептики и фарисеи,
У всей планеты на виду
На эту мрачную звезду,
Словно на дьявола в аду,
Глядят в смятенье иудеи!

Шли годы страшной серой ратью
И беды новые несли –
Терзало сыновей Земли
В поту, в крови, в дыму, в пыли
Кометы древнее проклятье!

А мы? Да разве мы познали
Плоды сомнений и труда?
Сын Века атома и стали –
Как я боюсь тебя, звезда!
Как страшно сгинуть без следа
Вослед своим земным кумирам,
Когда блистательной секирой
Над преклоненной выей мира
Сверкнет хвостатая звезда!

ВАСИЛЬКИ

Пыльным летом цвет небес
Полинял, почти исчез,
Синеглазо у межи,
Васильки глядят во ржи:
Видно, небо васильки
Растащили на куски.

МУЗЫКА

Неспособен к музыке я с детства,
Слуха нет, а без него – беда,
Но зато в наследство мне досталось сердце,
Песни петь мечтавшее всегда.

Овладел я истиной простою:
Главное – не струны и не медь,
Надо петь душою вечно молодою,
Надо только сердца не жалеть!

Не берег я сердце молодое,
Не жалел душевного огня,
Был самым собою, хоть и бит судьбою,
И никто не мог согнуть меня.

И сижу я полночью безлунной,
Сочиняя что-нибудь в тиши,
И перстом чугунным память бьёт по струнам
Растравоженной моей души.

Струны не сменить, как у гитары,
Это счастье, что еще поет,
Что держу удары, что не очень старый,
И что кто-то нужный все поймет!

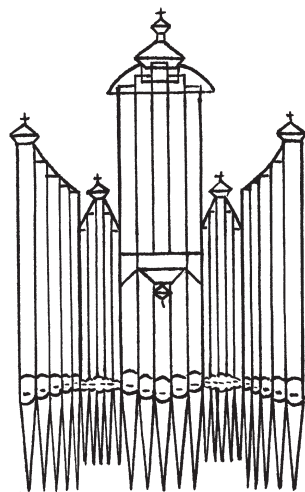
ТАНЕЦ

Прозвучали аккорды тревожные,
Будто Бог заворчал в небесах,
И застыл я, тобой замороженный,
И люблюсь до боли в глазах,

Как, лучами во мраке подсвечена,
Под оркестра неистовый гром
В лёгкой тунике вьётся женщина,
Точно сизый дымок над костром.

Словно Эльма святого свечение
Диадема горит в волосах,
В этой пляске тоска и мучение
И заветное сладкое «ах!!»

Ты мне Богом или чёртом повенчана,
Но пока что не знаешь о том...
Ненаглядная, вейся, женщина,
Точно сизый дымок над костром!

МАДОННА

Я страдаю втихомолку,
Наблюдая удивлённо:
Серый глаз под рыжей чёлкой –
Подмигнула мне мадонна.

Улыбнулась благосклонно,
Благосклонно, но не пылко,
И целую, как икону,
Золотой пушок затылка.

Заманила, замотала,
А потом – на тормоза,
И в тумане стоп-сигналом
Твои серые глаза.

Я не знаю, что предвещено
Нам судьбою впереди...
Стань, икона, просто женщиной
И с небес ко мне сойди!

МОЙ ВЫБОР

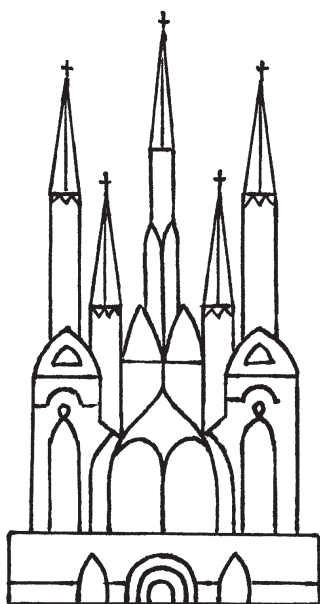
Для счастья нас на свет рождает мать,
Но все мы не имеем и понятия,
Когда и как нас смерть поймает в сеть,
Но если доведётся выбирать,
Я предпочту от счастья умереть
В твоей постели и в твоих объятиях.

ШОКОЛАДНЫЙ РАССВЕТ

Утро раннее, сонный покой,
Разнотравье в росистых седилах,
Шоколадный рассвет над рекой –
Жизнь с искусством в потоке едином...

ХРАМ

Церковь святого Витта,
Дождик стучит деловито,
Ветер гудит басовито,
И убеждаюсь вновь
Всё в этом мире слито:
Ярость, могильные плиты,
Музыка, краски, любовь...

У САМОГО СЕРОГО МОРЯ

(Соловецкий блокнот)

Серые скелеты тоненьких осинок,
Над притихшим морем серый небосвод,
Каменистой тропкой соловецкий инок
Направляет к Богу свой неспешный ход.

Из-под туч нахмуренных
Так и брызнет золото,
И по наковальням древних берегов
Солнышко расколото
Вдрызг хрустальным молотом,
Молотом тяжелых пенистых валов.

Времена вспоминая советские,
И отнюдь не Божию мать,
Плачут камешки соловецкие,
Благо есть о чём горевать!

Плавник лежит на диком берегу,
А может быть – деревьев мёртвых души,
Я от себя и от тебя бегу,
Чтоб шёпот моря и деревьев слушать,
Я от себя и от тебя бегу,
Чтоб всё понять на этом берегу,
Где с небом тихо шепчется вода,
Клин журавлиный тает без следа,
Как тает в море утлой лодки след,
Года струятся, как в ручье вода,
Я знаю, что мне нет пути сюда,
И от себя пути мне тоже нет!

Если глянуть синим оком
В золотое мелководе,
О заветном и глубоком
Мысли вечные приходят...

Шишками глядя из мрачной хвои,
Молят, молят небо купола,
Чтоб в песок навеки не ушла
Память о растоптанных судьбою!

Когда наш мир угрюмой злобой болен,
Мечтаю хоть на день остаться тут,
Где веретёна белых колоколен
Златую пряжу Господу прядут.

В зареве заката мысль печальная
 Не даёт покоя вновь и вновь:
 Чудится мне ржавчина кандальная,
 Или же запёкшаяся кровь!

* * *

Храм – брильянт в крепостной оправе,
 Удивление небесам,
 Только солнце, наверное, вправе
 Опрокидывать в воду храм.

* * *

Древний сказ здесь перемешан с былью,
 Дивен свет, струящийся с небес,
 И засыпан солнечною пылью
 Всё выдавший соловецкий лес.

* * *

Как проглянет солнышко,
 Станет видно донышко,
 Многое до донышка
 Видно на земле.
 И лежат три брата,
 Три еловых брёвнышка
 На покрытом листьями
 Чёрном хрустале...

* * *

Когда гуляет осень
 По северным лесам,
 Огонь с берёз и сосен
 Восходит к небесам.

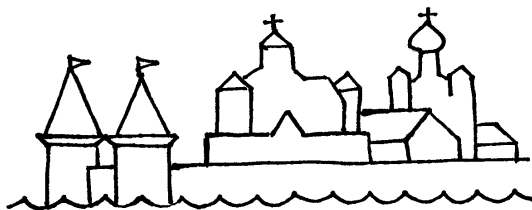
* * *

Колея ползёт кривая
 Между ёлок и берёз –
 Где, скажи, ещё бывает
 Абрикосовый мороз?

* * *

Над чёрным стылым лесом
 Свинцовы небеса –
 Дарована нам бесом
 Такая полоса...

Но поздно или рано,
 А всё ж придёт весна,
 И, может быть, настанут
 Иные времена.

СКАЗКА О РУСАЛКЕ И СКАЛКЕ

Жил рыбак со своей половиной у самого синего моря.
Они жили тридцать лет и три года, а детей у них не было вовсе.
Рыбак ловил неводом рыбу, но уловы были не густы,
А жена его, сидя дома, макраме плела на продажу.
И пилила она и пилила рыбака за его непрактичность:
«Дурачина, ты, простофиля, посмотри как живут соседи,
Все друзья твои, недотёпа, золотых наловили рыбок,
И теперь их счастливые жёны при полнейшем живут довольстве.
Только я одна горемыка сижу дома набитою дурой,
Ничего при том не имея: ни авто, ни квартиры, ни дачи,
При сгоревшей стиральной машине. Собирайся-ка ты, бездельник,
Одевай свою грязную рубаху и ступай, отправляйся в море.
И к полудню, если, растяпа, не вернёшься с рыбкой золотою –
Ох, и лихо тебе придётся, видит бог, не покажется мало!»
И поплёлся рыбак на берег, кое-как отцепил от причала
Он свою щелястую лодку, запустил чихающий дизель
И уселся за руль поудобней.
Вышел в море, закинул сети, молит бога, чтоб что-то попалося....
Всколыхнулось синее море, натянулись крепкие сети,
Ходуном ходит старая лодка. Тянет сеть рыбак, что есть мочи,
Видит, бьётся что-то у борта, золотою блестя чешуёю.
Бог ты мой, неужели вправду я поймал золотую рыбку, –
Шепчет старый рыбак и, напрягшись, поднимает добычу в лодку.
Что ж он видит? Пред ним не рыбка, а попалась в сети русалка,
Красота – не сказать словами.
Словно змеи, русые косы по упругой струятся груди,
А глаза, как два изумруда в обрамление ресниц пушистых,
И на бархатной, смуглой коже бриллианты маленьких капель!
И увидев такое чудо, потерял дар мысли и речи
И застыл пред ней истуканом наш рыбак, поражён красотою.
Тут он слышит, зовёт его русалка, рот прекрасный, как спелые вишни,
Молит голосом тихим и нежным: «Отпусти меня в синее море,
Откуплюсь, чем только пожелаешь!»
И вернулось к нему сознание, но забыл, как и не было, сразу
Он про всё: про квартиры и мебель, дачи, тряпки, автомобили...
Да и можно ль, скажите, право пред такой красотой небесной
Вспоминать о сгоревшей когда-то, у него стиральной машине.
И тогда, как бросаясь в бездну, заявил он морской царевне:
«Вот такие мои три желанья. Я хочу, чтобы снова стал я
Тем лихим молодцом, что прежде бороздил моря-океаны,

А второе моё желанье – стань, русалка, такой же красивой,
Только женщиною земною, что меня полюбить сумеет –
Это третье моё желанье!»

Отвечает морская царевна: «Что ж, желанья твои исполнимы,
Но запомни: меня полюбивший навсегда останется в море
И вовек земли не увидит.

Ты подумай об этом крепко, прежде чем принимать решение».

А рыбак в ответ: «Что тут думать, сердце бьётся тревожно и часто,
Мне с тобой хоть в самую бездну!»

Лишь хвостом по воде плеснула, глядь, хвоста-то уже и нету,
И такой пары ножек чудных не бывало ещё на свете.
И, расправив юные плечи, крепко обнял рыбак русалку,
Целовал с неистовой страстью её пухлые сладкие губы.
И, сомлев от горячей ласки, отдавалась ему русалка,
И волна морская качала лодку – их любовное ложе.
А когда её нежные стоны перешли в громовые раскаты,
И огромный вал белопенный поднялся над ними стеною,
Испугался рыбак... и проснулся.

Испугался и огляделся – видит, солнце уже в зените,
И сидит он в пустой своей лодке, в старой лодке с заглохшим мотором.
А на пирсе стоит его супруга, и в руках у ней тяжёлая скалка.

СОДЕРЖАНИЕ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ	3
НОВОГОДНИЕ ПЕСНИ	
ПЕСНЯ ПРО КРАСНОГО БЫЧКА (1997)	4
ТИГРОВОЕ (1998)	5
ПОБЕРЕГИТЕ ЗАЙЦА (1999)	6
ПЕСНЯ ЧЕРНОГО КОТА (1999)	7
МИЛЛЕНИУМ НЕ ЭЛЕНИУМ (2000)	8
ТРИ НУЛЯ (2000)	10
С НОВЫМ ГАДОМ! (2001)	11
БАЛЛАДА О СИВОЙ КОБЫЛЕ И СЧАСТЬЕ (2002 г.)	12
РИМЭЙКИ	
БРИГАНТИНА	13
НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ РОМАНС	14
ВНУТРЕННЯЯ ПЕСНЯ	15
ВРЕМЕНА ГОДА	
ВЕСНА	17
СНЕЖНАЯ ПЫЛЬ	19
ВЫ Ж МЕНЯ ЛЮБИЛИ, ДЕВОЧКИ МОИ	
ПЕСНЯ СТАРОГО МАРТОВСКОГО КОТА	21
НА КОНЕЧНОЙ ОСТАНОВКЕ	21
МАДАМ	23
ПЕСНЯ О ВСТРЕЧНОЙ МЕДСЕСТРЕ	24
ВОСЬМАЯ МАРТА	25
ДОГОРЕЛО ЛЕТО	26
И МАТЬ ИХ СОФИЮ	27
ПЕСНЯ В ЗИМНЕМ ЛЕСУ	27
БАЛЛАДА О СТРАШНОМ СУДЕ	28
СЕКSGОРОСКОП В ЖУРНАЛЕ	30
ПЕСНЯ О РОДИНКЕ	31
КОРОТКОНОЖКИ	33
ПЕСНИ О РОДИНЕ	
ПЕСНЯ ПРО ВСЕ ОСТАЛЬНОЕ	34
ПЕСНЯ БЕЗ СЛОВ	35
МАЛАЯ БРОННАЯ	37
ПЕСНЯ ДЛЯ ДЕТЕЙ О СОЖЖЕННЫХ КОРАБЛЯХ	38
ГАСНУЩИЙ ВЕЧНЫЙ ОГОНЬ	39
ЗАВЕРШЕНИЕ ВЕКА	40
ПАМЯТНИК ВЫСОЦКОМУ	41

МОЙ НАРОД	42
ПОПУТНАЯ ПЕСНЯ	44
ВОТ ТАКАЯ АРИФМЕТИКА	45
РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПОСЛЕДНЕЙ ТЕЛЕНЕДЕЛЕ ЯНВАРЯ	45
А ВОТ ПУШКИНА НЕТ И НЕТ	46

РОВЕСНИКИ МОИ

ПЕСНЯ О НЕВОЕВАВШЕМ ПОКОЛЕНИИ	48
НАШ ЗЕМЛЯК И РОВЕСНИК	50
ЗОЛОТОЙ ФИЗТЕХ	51
О ГОРБАТОМ ДРУГЕ	53
5 АВГУСТА 1999 ГОДА.	54
ВРЕМЯ	55
С ВЕРШИНЫ	56
ДРУЗЬЯ УХОДЯТ	56

ХОРОШО ПО ЛЕСАМ И БОЛОТАМ

НЕ ДОЖДЕТЕСЬ!	57
ГРАВИМЕТРИЧЕСКИЙ РОМАНС «ДЫМ КОСТРА СОЗДАЕТ УЮТ»	58
ПОМНИШЬ, ТОВАРИЩ, БЕЛЫЕ СНЕГА... ..	60
ПОЛЕВАЯ ПЕСНЯ	62
КОСТЁР	63
ПРЯМУХИНСКАЯ ПРЕДИНФАРКТНО-ПАСХАЛЬНАЯ	65
ДО ФОНАРЯ	66

ЗА ЖИЗНЬ

БОТКИНСКОЕ	68
КРУГ	69
ДИЕТИЧЕСКОЕ	70
ЧУДЕСА В РЕШЕТЕ	71
САДОВООГОРОДНОЕ	72
СЫНУ	74
ЕСЛИ ВДРУГ	75

КОРОТЫШКИ

СПЯЩАЯ КРАСАВИЦА	76
КАРДИОЛОГИНЕ	77

ПЕРСОНАЛОЧКИ

БЕРЕЗОВСКИЙ	77
ЕЛЬЦЫН	77
ПРИМАКОВ	77
БАСАЕВ	77
МЭРСКОЕ ИСКУССТВО	77
ДЕЛИКАТЕСЫ	77

НЕЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ МОНОЛОГИ СУКИНЫХ СЫНОВ

ОВЧАРКА У КОЛЮЧЕЙ ПРОВОЛКИ	78
СТАФФОРДШИР У РИНГА	79
КУРЦХААР У ДЖИПА	80
ТАКСА У ИСКУССТВЕННОЙ НОРЫ	81

ИЗ СБОРНИКА «ПОЛНЫЙ ВПЕРЕД»

ЗЕМНОВОДНОЕ	82
СЕВАСТОПОЛЬСКИЙ ВАЛЬС	83
РАЗДЕТЫЕ КАМНЕМ.	85
МООНЗУНДСКАЯ СЛАВА.	86
МАТРОССКАЯ ПЕХОТА	87
ПОТЕРЯННАЯ НАХОДКА	87
ОКЕАН	88
ДЕТСКАЯ МОРСКАЯ МЕЧТА СУХОПУТНОЙ КРЫСЫ	89
К ЧЁРТУ НА РОГА	90
УХОДИМ	91
КУРСКОЕ	92
НОЧЬ	93
ЗВЕЗДА НАД ПРИЧАЛАМИ	94

ИЗ АЛЬБОМА «ПРОНИКНОВЕНИЕ»

ПЕРЕКРЁСТОК ПРОСТРАНСТВ	95
НЕПОНЯТНАЯ КАРТИНА	95
ЧЕРНАЯ ОСЕНЬ	96
РЕКВИЕМ БАБЬЕМУ ЛЕТУ	96
КРЕЩЕНСКАЯ КАПЕЛЬ	97
ПЕСНЯ КОРОСТЕЛЯ	97
О ПОЛЬЗЕ ВОДКИ И СДОБНЫХ ЖЕНЩИН	98
ФЕВРАЛЬСКАЯ ПРОБЛЕМА.	98
КАМЬШИ	99
КАК ПОДОБАЕТ МУЖИКАМ	100
ХВОСТАТАЯ ЗВЕЗДА	101
ВАСИЛЬКИ	101
МУЗЫКА	102
ТАНЕЦ	102
МАДОННА	103
МОЙ ВЫБОР	103
ШОКОЛАДНЫЙ РАССВЕТ	103
ХРАМ	103

У САМОГО СЕРОГО МОРЯ 106

СКАЗКА О РУСАЛКЕ И СКАЛКЕ 108

